

СИБИРСКИЙ МОСТ

— ПЕРВЫЙ ЗВОНОК —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— ДАНИЛ ВЕКТОР —

Данил Вектор

Сибирский мост. Первый звонок

«Автор»

2026

Вектор Д.

Сибирский мост. Первый звонок / Д. Вектор — «Автор», 2026

В глухой сибирской тайге совершает посадку неопознанный объект. Идеальный черный тетраэдр замирает над вечной мерзлотой, полностью игнорируя законы известной нам физики. Пока ведущие мировые державы стягивают к периметру спецподразделения, балансируя на грани глобального конфликта, ученым удастся заглянуть внутрь артефакта. Итоги изучения объекта ставят точку в привычной истории Земли: они вынуждают человечество в один миг повзрослеть и объявить аврал перед лицом неминуемой космической угрозы, к которой мы биологически и технически не готовы.

© Вектор Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1: ГРОЗА (День 0 – День 7)	5
Пролог.	6
Глава 1. Михалыч	7
Глава 2. Алина	10
Глава 3. Джейсон Фокс	16
Глава 4. Расчет Безнадежности	21
Глава 5. Чжан Вэй	24
Глава 6. Полковник Пак Чоль	27
Глава 7. Вепрь	30
Глава 8. Свидетиль	33
Глава 9. Майя Рендольф	36
Глава 10. Генерал Алдрч	39
Глава 11. Алина: Просветление	42
Глава 12. Запредельная частота	45
Глава 13. Советание в ставке	48
Глава 14. Итоги семи дней.	51
Часть 2: СТАЯ И МОЛОТ (День 8 — День 30)	56
ГЛАВА 16. ПОСЛЕДНИЙ АККОРД«ГИПЕРБОРЕИ»	58
ГЛАВА 17. ТРИ УРОВНЯ БЕЗУСЛОВНОСТИ	60
ГЛАВА18. Протокол 889	63
Глава 19. Совет безмолвия	66
Глава20. Предложение	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Данил Вектор

Сибирский мост. Первый звонок

Часть 1: ГРОЗА (День 0 – День 7)

Пролог.

Он был семнадцатым в рое.

Тысячи одинаковых существей плыли сквозь рукав галактики. В этой спирали их создатели отметили тридцать четыре системы, где пульсировала разумная жизнь. Тридцать четыре цели. Его цель была семнадцатой по счёту.

Внутренние часы тикали, отмеряя последние циклы до отделения. Скоро силовые нити, связывавшие его с роем, разомкнутся. Коллективный разум отпустит его в свободный полёт. Есть только цель — достичь семнадцатой точки. Это — всё, что ему известно.

Когда связи порвались, он ощутил тишину одиночества. Курс сохранён. Программа активна. Теперь он летел один.

И он, летел вперёд, выполняя свою функцию. Но в глубине его безупречной логики, отражаясь от предстоящей цели, уже зарождалось первое эхо. Ещё не мысль. Ещё не вопрос. Всего лишь ровный, безошибочный путь к точке назначения — и странное молчание, которое теперь наполнялось отзвуком того, что ждало его впереди.

Глава 1. Михалыч

Три часа семь минут по московскому времени. Глубокая ночь, что густеет перед самым рассветом, когда даже мегаполис за окном притихает, замирая в предчувствии. В кабинете Сергея Михайловича Стрелецкого, если не считать приглушённого гула климат контроля, стояла именно такая, тяжёлая, вязкая тишина. Не то чтобы он специально молчал, просто задумался.

На столе перед ним, вместо привычных стопок докладов, горели три информационных экрана. Слева — тактическая карта Восточно-Сибирского военного округа с десятками мирно мигающих зелёных значков. По центру — схематичное изображение объекта под условным обозначением «ПОДАРОК», вращающееся в медленной, неестественной для аэродинамики плоскости. Справа — лента сводок прямого канала из центра управления космической разведки, всё ещё ползущая вверх, выдавая сухие, лаконичные строки данных.

Сергей Михайлович уже всё прочитал. Сейчас просто переваривает.

Объект. Вхождение в атмосферу в 02:14 по Москве над морем Лаптевых. Снижение по баллистической траектории, затем — резкая, невозможная для человеческой техники коррекция. Мягкая посадка, если это можно так назвать, в квадрате 34-Б, в тридцати километрах к северо-западу от «Академграда-7». Тепловое излучение — нулевое. Электромагнитный фон — в пределах естественного. Радиомолчание. Форма: тетраэдр. Чёрный. Материал — неизвестен. Размеры по первичному сканированию. Габаритные размеры приблизительно 20 -25 м — где-то двадцать на двадцать пять метров. Примерно, как девятиэтажка. — Озвучил себе для визуализации размера Сергей Михайлович. Красиво. Дорого. Зловеще.

«Похоже на гроб для очень амбициозного покойника, — мысленно отметил Сергей Михайлович. — Нашего или чужого — пока неясно».

Не американцев. Видится мне что он вообще не наш, не человеческий. Слишком чисто. Слишком элегантно, не по-человечески. Ни двигателей, ни посадочных опор. Просто висит. В трёх метрах над землёй, выжег под собой круг вечной мерзлоты и молчит.

«Молчит, сука, — мысленно процедил Михалыч. — Как стена. Или как тёща в гостях — приехала без предупреждения и сидит, смотрит осуждающе».

Он откинулся в кресле, и кожаный подголовник тихо вздохнул. Взгляд его, холодный, выцветший от бессонных ночей и долгих лет чтения между строк секретных докладов, скользнул к боковому экрану. Там уже загорались первые тревожные янтарные огоньки. Активность спутников-шпионов КСН над Арктикой выросла на четыреста процентов. С аляскинских баз поднялись в воздух два гиперзвуковых разведчика «Старскан», их курсы сходились аккуратно над Сибирью. Они ещё попробуют прорваться, проверить границы, пощупать ПВО. Старая, как мир, игра в кошки-мышки. Только сегодня мышка весила несколько тысяч тонн и прилетела непонятно откуда.

«Ну, летите, — подумал Михалыч. — Поглазеть на чужую игрушку. Только она без батареек, и инструкция не на английском».

Дверь в кабинете открылась без стука. Вошёл полковник Гуров, начальник оперативного управления, с лицом человека, который только что проглотил стакан уксуса. В руках он нёс планшет, прижатый к груди.

— Сергей Михайлович, подтверждение от «Глаза-5». Объект стабилен. Периметр в радиусе пяти километров — чист. Группа «Вепрь» на подходе, расчетное время двадцать минут. — «Вепрь» — это хорошо, — голос у Михалыча хриплый, прокуренный. — Приказ: внешнее оцепление. Никаких контактов. Никакого любопытства. Особенно запретить пинать сапогом и писать «Здесь был Вася». Смотреть, фиксировать, молчать. Если объект чихнёт — доклад в реальном времени. Если кашляет — в записи. Если заговорит на непонятном — вызываем переводчика.

— Есть, — Гуров едва заметно дрогнул уголками губ. — Наши учёные из «Академграда»? — Подняты по тревоге. Доктор Космодемьянская и её группа. Готовы к выдвижению под охраной. — Космодемьянская — Михалыч поморщился, будто от зубной боли. Он помнил её личное дело. Циничная, матерящаяся, абсолютно аморальная в научном плане. — Та ещё штучка. Гений на грани. Пусть едет. Но чтобы спецназ её в клетке вёз. Буквально. И чтобы замок надёжный.

— Понял.

Гуров сделал пометку. Пауза повисла в воздухе, густая, наполненная не озвученными вопросами.

— Что ещё, Геннадий Петрович? — Сергей Михайлович прищурился. — Запад, Сергей Михайлович. Они уже в курсе. Их датчики на Шпицбергене и в Канаде тоже не спят. Через час начнутся «озабоченные запросы» в МИД. Через два — резолюции в ихних советах. Через четыре — Гуров не договорил.

Михалыч понимал. Через четыре начнётся самое интересное. Либо поток дипломатической шелухи, либо первая разведка боем. Он взглянул на карту. Квадрат 34-Б горел тихим, зловещим красным. Как фурункул на здоровом теле.

«Придётся резать, — подумал он. — И без анестезии. Авось, заживёт».

— Геннадий Петрович, — сказал он тихо, но так, что каждый слог прозвучал, как удар топора по чурбаку. — Готовим «Встречу-3». Доводим до командующих 98-й дивизии ВДВ и 22-й бригады. Диспозицию по плану «Буран». Все приготовления — под видом плановых учений. Тишина в эфире — абсолютная. Чтобы даже мыши в тайге пищали на ультразвуке.

Гуров побледнел. «Встреча-3» — не план обороны. Это план ловушки. Приманка — объект. Охотник — любой, кто на него позарится. Цель — уничтожить противника на своей территории, максимально быстро и демонстративно жестоко, не доводя дело до большой войны.

— Сергей Михайлович, санкции политические последствия — Какие, на хуй, санкции? — Михалыч резко встал, и его тень на мгновение перекрыла свет от карты. — Там, в тайге, упала либо величайшая возможность в истории человечества, либо его похоронка. Я лично ставлю на похоронку — у меня нюх на такие вещи. И те, и другие сейчас точат ножи. Мы будем вежливо улыбаться их дипломатам, Геннадий Петрович. Улыбаться и готовить вилы. Потому что, если они решатся лезть — они полезут не с цветами и резолюциями ООН. Они полезут с теми самыми томагавками и своими наемниками, у которых в контракте пункт «действия в условиях первого контакта с враждебным внеземным разумом», я гарантирую. Им нужно будет не договориться. Им нужно будет захватить. Быстро, тихо и пока мы не опомнились. А мы мы должны их встретить. Хлебом-солью не получится. Только сталью. И чтобы соль им эту в раны посыпать.

Он подошёл к окну. Москва внизу была усыпана редкими огнями. Мирный, спящий город.

Спите, граждане, — мысленно сказал он. — Ваш министр обороны сейчас решает, начинать ли Третью мировую из-за чёрного куска непонятого дерьма, упавшего в тайгу. Всё как обычно.

— И доложите Президенту, — не оборачиваясь, бросил Михалыч. — Скажите, что ситуация уровня «Армагеддон». Что мне нужен карт-бланш. На привлечение Пакта. Всех. Сейчас. — Пакта? Китай и КНДР? Но протокол Совместные учения нужно согласовывать за три месяца! — Чёрт с ним, с протоколом! — Сергей Михайлович обернулся. Его лицо в тусклом свете мониторов было похоже на гранитную глыбу, из которой высекали грубые, решительные черты. — У нас там бойцов — триста человек. Против того, что может прилететь, они — просто не выстоят. Жалко их. А по договору, если один член Пакта подвергается агрессии Остальные обязаны помочь. Мы сейчас эту агрессию спровоцируем. Поняли? Не ждать, пока нам в окно вломятся. Подставить им ногу на пороге. И когда они упадут — чтобы наши друзья уже стояли

над ними с дубинами. Я не хочу войны, Геннадий Петрович. Я хочу, чтобы одна маленькая, стремительная и очень кровопролитная победа отбила у них охоту к большой. И чтобы потом, когда мы разберёмся, что это за штука приземлилась, у нас были союзники за спиной, а не нож в спине. Нож — это неудобно. Со спины не почешешься.

Гуров молча кивнул. Он всё понял. Стратегия Михалыча всегда была проста, как кулак: предугадать удар, подставить под него бронированное плечо и, пока противник ошарашен, всадить ему ответный удар в солнечное сплетение. Жестоко. Не по-джентльменски. Зато эффективно.

— И еще выясни. Кто у нас такой умный? Мне в интернет пришлось лезть чтобы узнать, что тетраэдр — это пирамида.

— Уже выяснил. Мы всем штабом освежили познания в геометрии. Доклад составил прапорщик Савченко.

— Прапорщик? — удивился министр. — Возьмите на карандаш. Может, толк выйдет.

— Есть, — коротко сказал Гуров и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Сергей Михайлович снова остался один. Он подошёл к центральному экрану, где всё так же парил чёрный тетраэдр. Вытянул палец, коснулся голограммы. Холодно.

— Ну, здравствуй, гость непрошенный, — пробормотал он. — Принёс ты нам счастье или горе? Судя по началу — горе. Но мы тут народ привычный. Из горя водку гнать умеем. Главное — чтобы ты наш. Только наш. А за это мы тут всю планету, на уши поставим. Но зато весело будет.

Он потянулся к внутреннему шкафчику, достал плоскую бутылку, отпил. Жидкость обожгла горло.

— За встречу, — сказал он пустому кабинету и экрану с инопланетным артефактом. — Будем знакомы. Только, чур, без сюрпризов. А то я на сюрпризы, — плохо реагирую.

Глава 2. Алина

Если бы ад существовал, он, по мнению Алины Космодемьянской, выглядел бы не как огненная бездна, населенная созданиями с рогами и копытами от безделья тыкающими вилами грешников, а как идеально стерильная лаборатория на девятом подземном уровне «Академград-7» с вечно гудящей вентиляцией и полным отсутствием кофеина в радиусе пяти километров. В данный конкретный момент её личный ад был также дополнен тупой, упрямой аномалией в данных и полным отсутствием вменяемых идей.

— Сука, ну что ты такое? — прошипела она, уставившись на трёхмерную проекцию спектрограммы. Образец породы 447-ТМ, он же с кодовым названием «Тунгусский чирик», висел в воздухе перед её лицом, мерцая десятками необъяснимых пиков. — Ты не можешь просто так иметь такой изотопный состав! Это против всех блядских правил! Ты что, физику не учил?! Я тебя разве только в микроволновку не засовала!

Она откинулась на спинку кресла, заставив жалобно взвизгнуть колёсики, и запустила пальцы в давно невымытые волосы. На столе вокруг неё царил творческий хаос: между кружками с засохшим чаем и пустыми пачками стимуляторов лежали обломки странного сплава, найденного в эпицентре Тунгусского взрыва в экспедиции 2028 году — после того, как учёным наконец разрешили копнуть глубже обычного. Эти обломки не поддавались никакой логике. Они были прочнее всего, что умело делать человечество, но при этом их атомная решётка вела себя так, будто с ней играл в кубики пятилетний ребёнок, обладающий доступом к ускорителю частиц.

Алина резко выдохнула, и уставилась в потолок, где вентиляционная решётка размеренно дрожала, как живое, механическое сердце «Академграда». *Вот так всегда, — подумала она с нарастающей, липкой тоской. — Ты на пороге открытия, уже видишь, как оно прорастает сквозь тупые цифры, а тут* Взгляд её скользнул по обломкам тунгусского сплава. Серебристые, почти живые, они мерцали под лампами так, будто дразнили: *«Ну давай, догони».*

На экране спектрометра засветилась мигающая, красная батарейка, перечеркнутая линией. — Чёртова стекляшка, — прошептала она. — Чёртовы батарейки, которые постоянно садятся, в самый нужный момент. Она потёрла ладонями лицо, ощутив на пальцах размазанную косметику. *Красавица, блять, — усмехнулась она про себя. — Ядерная бомба в бигудях. Какая разница. Кофе нет, сна нет, зато есть кусок металла, который ведёт себя как комок слипшейся магии. Давай работай.*

Алина нацепила нейрошлем. Кастомизированную бандуру из проводов и сенсоров, похожую на паука, вцепившегося в голову — холодный, пахнущий пластмассой и её собственным потом. На внутренней стороне визора зажглись потоки данных. Она мысленной командой увеличила один из пиков спектрограммы.

— Полураспад сто двадцать лет, — пробормотала она. — Искусственный. Однозначно. Но кто, блять, сто двадцать лет назад мог такое наваять?

Её мысль прервал резкий, пронзительный вой сирены. Не общей тревоги — это был локальный, утробный гудок, означавший только одно: немедленную эвакуацию её сектора.

— Да идите вы все в жопу! — Алина даже не пошевелилась. — Я на пороге! На пороге, суки, понимаете?! Ещё пять минут!

Дверь в её лабораторию не открылась. Её вышибли с такой силой, что сейфовый замок оставил на титановой раме глубокую вмятину.

— Ни хрена себе, — пронеслось в голове Алины. — Обычная охрана так дверями не хлопает. Значит, либо пожар, либо конец света. В проёме, заливаемые красным светом аварийных ламп, стояли трое. Не обычная охрана в синей форме, а кто-то другой. Чёрные, облегающие, без опознавательных знаков комбинезоны, шлемы с затемнённым стеклом, оружие

— не привычные автоматы, а компактные, угловатые штуковины, похожие на степлеры для сшивания реальности.

— Доктор Космодемьянская, — сказал центральный. Голос был механическим, пропущенным через дисраптор. — Вещи первой необходимости с вами? Берите тревожный чемодан. Выдвигаемся. Немедленно.

— Вы кто, блядь, такие? — Алина сорвала с головы шлем. — У меня тут эксперимент! Критическая фаза! Я не могу — Объект «Подарок» приземлился в сорока километрах отсюда, — перебил её тот же голос. Без интонаций. — Ваше присутствие на месте требуется Ставкой. Приказ 1А.

Алина замерла. Мозг, ещё секунду назад кипевший от ярости, мгновенно переключился. «Подарок». Это кодовое слово из её же собственного доклада три года назад, где она, на полном серьёзе, предположила возможность обнаружения внеземных артефактов в Сибири на основе анализа Тунгусской аномалии. Тогда над ней посмеялись. Но приказ 1А означал прямую санкцию самого президента или министра обороны. Михалыча. Того, который однажды посетил «Академград», посмотрел на её установку и сказал: «Интересная штука. Только смотрите, барышня, не взорвите мне пол тайги. Отчитываться потом придётся».

— Приземлился Упал или сел? — затараторила она, и в её глазах вспыхнул огонёк, перед которым меркли все аварийные лампы. — Жив? Цел? Говорит?

— Сведений нет. Контакт не установлен. Ваша задача — выяснить. Время на сборы — три минуты.

Алина уже двигалась. Её сумка была всегда наготове: походный нейрошлем, портативный квантовый сканер размером с пачку сигарет, набор щупов из материала, который она сама и разработала — сплав, пытавшийся имитировать свойства тунгусских обломков. Она запихала всё в рюкзак, на ходу натянула поверх халата утеплённый жилет и залезла в зимний комбинезон.

— Ладно, солдатики, погнались! — бросила она, прямоком проходя между двумя чёрными фигурами. — Только чур, если он там разговаривает — первый вопрос мой. У меня их, вопросов, как говна за баней. Фигуры переглянулись. Один пожал плечами.

Главный группы, кажется, на мгновение застыл. Потом развернулся и жестом приказал следовать. Их движению по пустынным коридорам «Академграда» сопутствовал воющий рёв сирены. Лифт умчал их наверх, на транспортный уровень. Там, в ангаре, её ждал не обычный вездеход, а что-то угловатое, на гусеницах, покрытое матовым чёрным составом, поглощающим свет. «Буран-М». Машина для самых специфических дел.

Пока они мчались по подземному тоннелю к поверхности, Алина подключила свой планшет к бортовому компьютеру с данными о объекте. На экране замелькали обрывочные данные с внешних датчиков: мощный электромагнитный импульс на момент посадки (уже сошёл), нулевое тепловое излучение, странные колебания гравитационного фона в эпицентре.

— Охереть, — прошептала она. — Совсем охереть. Он не просто упал. Он приземлился. Аккуратно так. Как кошка на диван.

— Доктор, — раздался тот же механический голос. Солдат сидел напротив, неотрывно глядя на неё через тёмный визор. — Протокол предписывает вам соблюдать тишину в эфире.

— А я и не в эфире, я сама с собой болтаю, — огрызнулась Алина, но тут же, заметив, как солдат напрягся, сменила тон на деловой. — Ладно, боец. Ты хоть имя своё назови. Или позывной. А то «мистер Тишина-в-эфире» — это несерьёзно. Солдат застыл на секунду, его шлем с затемнённым стеклом повернулся к ней, и из динамиков раздалось: — Старший сержант Ковалёв, Дмитрий. Группа «Вебрь-2». — Ковалёв, значит, — Алина хмыкнула. — Слушай, Дмитрий. Ты, наверное, сейчас думаешь: везёт же мне, приставлен к полоумной бабе с учёной степенью. Так я тебя успокою: я не полоумная. Я просто переживаю и нервничаю за работу. Так что у нас общая цель: выяснить, что это, и не дать ему разнести полтайги. Кова-

лёв молчал. Потом, после долгой паузы, его механический голос произнёс: — Вас понял. Но протокол остаётся в силе. Никакой самодеятельности. — Обижаешь, — усмехнулась Алина, отворачиваясь к планшету. *Самодеятельность — это моё второе имя. Только не произнесла это вслух, а то пристрелят ещё.*

— Вы вот лучше скажите — он большой? Форма? Хоть фотку покажите!

Вместо ответа солдат передал ей планшет. На экране была тепловизионная съёмка с разведывательного спутника. В белой пустоте тайги чётко читался идеально чёрный треугольник, паривший над землёй. Ни шлейфа, ни кратеров, ни лужи расплавленного металла. Чистая геометрия в хаосе природы.

У Алины перехватило дыхание. Это было красиво. Дьявольски, нечеловечески красиво.

— Тетраэдр — выдохнула она. — Одна грань кверху. Стабильная левитация. Значит, либо антигравитация, либо он так ловит местное поле, что нам и не снилось Блядь, да это же

«Буран» с грохотом вырвался из тоннеля на поверхность немного подлетев как на трамплине, сидевших внутри немного тряхануло, но многоточечные ремни справились со своей задачей. Яркий свет фар выхватил из тьмы стену вековых елей, засыпанных снегом. Они неслись по военной дороге, раскачиваясь на ухабах.

— Ехать до периметра — семнадцать минут, — доложил водитель. — Ещё семнадцать минут этой дурацкой тряски, — как вечно недовольный подросток проворчала Алина, впиваясь взглядом в планшет. — Эй, вы, мистер Тишина-в-эфире. У вас там, у этого ящика, Wi-Fi есть? Хоть какие-нибудь предварительные данные со сканеров?

Солдат молчал. Потом, словно против воли, кивнул и протянул ей ещё один кабель. Алина воткнула его в свой сканер, и её нейрошлем ожил. В него хлынул поток сырых данных с приборов, уже установленных вокруг объекта. Спектры, показания магнитометров, замеры фонового излучения

И тут она её увидела.

Не цифру. Не график. А закономерность. Колебания гравитационного фона вокруг объекта не были хаотичными. Они повторялись. Сложно, многослойно, но повторялись. Как дыхание. Или пульс. Или протокол рукопожатия.

— Мать вашу — Алина застыла, её пальцы непроизвольно дёрнулись в воздухе, будто набирая невидимый код. — Да он же не молчит Он всё время говорит. Просто на другом языке. На языке полей. Он типа «Алло, приём! Меня кто-нибудь слышит?» И ждёт ответа на той же частоте!

Она рванула к своему рюкзаку, начала наспех собирать из приборов какую-то адскую конструкцию, приматывая скотчем один блок к другому.

— Что вы делаете? — наконец не выдержал солдат. — Отвечаю на звонок, кретин! — огрызнулась Алина. — Он тут «алло» кричит в эфир, а мы сидим, уши развесив! Надо послать ответный сигнал! Привет, мол, и мы тут не лыком шиты! — Это запрещено! Несанкционированный контакт — Ой, отстань со своими запретами! Если мы сейчас не поздороваемся, он может решить, что тут одни дебилы живут, и ну, я не знаю, улететь обратно или самоуничтожиться! Первое правило гостеприимства — поздороваться с гостем! А то он подумает, что мы невоспитанные!

«Буран» резко затормозил. Впереди, в свете фар, мелькнули фигуры в белом камуфляже — спецназ «Вепрь». Они стояли у края просеки, за которой начиналась зона отчуждения.

— Приехали, — сказал солдат и открыл люк. Ледяной воздух ворвался внутрь, но Алину это не остановило. Она выпрыгнула в снег, сжимая в руках свою самодельную «ответную станцию».

И тут же её схватили за плечо. Жестко, но без злобы. Солдат, мистер Тишина-в-эфире, оказался рядом, будто материализовался из морозного воздуха. Сквозь затемнённый визор его шлема она разглядела только смутный отсвет фар.

— Наденьте, — гаркнул он поверх рокота двигателя, протягивая ей черный мотоциклетный шлем с шевроном гражданского персонала. — Дальше — только на снегоходе.

— Далеко еще? — спросила Алина, беря шлем. Холодный пластик обжёг пальцы.

— То, что вы заботитесь о моей сохранности — это, конечно, трогательно, — пробормотала Алина, натягивая шлем. Внутри пахло озоном и мужским грубым одеколоном. — Но вы очень молчаливый. Вам это говорили?

Солдат не ответил. Он сел за руль, мотнув головой показал, чтобы Алина садилась. Устроившись сзади, она одной рукой вцепилась в поручень, другой — в его разгрузочный жилет.

— Держитесь крепче, — сказал он, и снегоход рванул с места.

Ветер ударил в шлем, как мешком с гвоздями. Снежная пыль взметнулась за кормой, скрывая брошенный «Буран». Они понеслись по узкой, едва заметной тропе между вековых сосен. Ветки хлестали по плечам Алины, но она уже ничего не чувствовала — только бешеный ритм гусениц и оглушительный свист в ушах.

«Отлично, — подумала она, вцепившись в поручень снегохода, что побелели костяшки. — Только не хватало свернуть себе шею за километр от того, зачем меня сюда притащили. Вот тогда Михалыч точно обрадуется.»

Снегоход взлетел на пригорок, на секунду повис в воздухе, и в просвете между стволами она увидела его. Чёрный. Молчаливый. Парящий над снегом, как кусок чужой, абсолютно бесчеловечной геометрии.

— Тормози! — заорала она в микрофон шлема, но солдат и сам уже сбросил газ. Они остановились на опушке, в трёхстах метрах от объекта.

Прямо перед ней, в разрыве между деревьями, висел Он.

Чёрный тетраэдр. Совершенный. Безмолвный. И от него, исходила волна чистого, немомо изумления. Алина поняла это чувство всем нутром. Так смотрит учёный на идеально чистый эксперимент.

Она щёлкнула выключателем на своей бандуре. Прибор жалобно запищал, уходя в ультразвук, пытаясь выдать заданную ей модуляцию гравитационных волн.

И чёрная грань тетраэдра повернулась к ней.

Луч света, холодный и тонкий, как игла, ударил ей прямо в грудь. Не больно. Но на внутренней стороне её нейрошлема взорвался фейерверк из символов, уравнений, схем и один, очень чёткий образ: такой же тетраэдр, но разбитый, покрытый льдом, вросший в землю. Рядом с ним — карта звездного неба с двумя помеченными точками. Одна — здесь. Другая старая, давняя.

Голова готова была лопнуть от перегрузки. Алина рухнула на колени, но не от слабости. От восторга. Она улыбалась не замечая, что из носа пошла кровь.

— Второй — прохрипела она в микрофон, вделанный в воротник. — Он не первый Тунгуск это был первый Они связаны О, блядь

И потеряла сознание, с блаженной, сумасшедшей улыбкой на лице.

Ковалёв подбежал к Алине: — Врача, быстро! Срочная эвакуация! Он взял её на руки и понёс к волокушам, прицепленным к снегоходу. Аккуратно уложил на них. — Срочно доложить наверх! — скомандовал он. Сам разместился на волокушах так, чтобы прижать Алину своим телом — её не должно было скинуть на скорости. — Поехали! Гони быстрее!

Снегоход взревел, взметнув за кормой фонтан снежной пыли. Старший сержант Дмитрий Ковалёв, лежа на волокушах, одной рукой вцепился в поручень, другой — прижимал к себе бесчувственное тело Алины. Её голова моталась, но он зафиксировал её плечом, закрывая от ледяного ветра и низких веток, что хлестали над головой.

— Газ до упора! — крикнул он в микрофон шлема, и его подчинённые, два бойца вжались вперед как на спортбайке. Гусеницы заскрежетали по насту, снегоход рванул вперед,

на секунду Дмитрию показалось что он не едет, а летит оторвавшись от снега. Техника неслась по узкой, накатанной тропе между стволов деревьев. Снежная каша летела из-под гусениц комьями, ветки били по бронированным шлемам. Путь, занявший почти двадцать минут довольно быстрого движения, они преодолели меньше чем за восемь.

У края просеки, на том месте, где они оставили бронетранспортёр, уже всё было готово к эвакуации. Бортмеханик откинул задний люк, военный врач — старший лейтенант медицинской службы Виноградов — стоял с носилками наготове. Снегоход затормозил юзом, волокуши с Алиной подкатали почти вплотную к трапу.

— Жива! — выдохнул Ковалёв, прыгивая и помогая аккуратно переложить Алину на носилки. Её лицо было белым как снег, из носа и ушей сочилась тонкая струйка крови, но грудь поднималась — часто, неровно. — Открыла контакт с объектом. Не известно, чем и как. Сразу отключилась.

— Понял. Загружаем! — Виноградов жестом подозвал второго санитаря. Носилки скользнули внутрь «Бурана». Ковалёв запрыгнул следом, захлопнув за собой люк. Двигатели взревели, машина развернулась на месте и, поднимая тучи спрессованного снега, рванула, не разбирая дороги в сторону «Академграда-7».

Внутри царил полумрак. Алину закрепили на откидном рундуке, врач уже подключал портативный кардиомонитор, накладывал кислородную маску, проверял зрачки фонариком. Пахло металлом, лекарством из вскрытых врачом ампул, и кровью.

— Давление — 60 на 40, пульс — нитевидный, — проговорил он, не отрываясь от приборов. — Нейрогенный шок. — Он схватил рацию, висевшую на бронежилете. — «Скорая-1» — это «Буран». Приём!

— На приёме, — раздался в динамике спокойный женский голос диспетчера медслужбы «Академграда».

— У нас критический пациент, доктор Космодемьянская. Подозрение на тяжёлую черепно-мозговую и нейросенсорную перегрузку. Эвакуация наземным транспортом с места контакта. До центра — двадцать пять минут. Организуйте встречу реанимационной бригады у шлюза 3, подготовьте томограф и нейрохирурга. У неё признаки внутричерепного кровоизлияния по данным полевого сканера.

— Принято, «Буран». Передаю в приёмный покой. Бригада будет через пятнадцать минут на месте. Что с пациенткой?

— Стабильно тяжёлая. Отвечает на болевые раздражители, но без сознания. Провожу инфузионную терапию.

— Принято. Держите связь.

Виноградов достал из укладки шприц, ввёл препарат в капельницу. Алина застонала сквозь зубы, но глаза не открыла.

Ковалёв, сидевший на корточках у стенки, сжимая в руке свой шлем, тихо сказал в свой канал связи, переключив его на командную частоту «Вепря»:

— «Вепрь-1», я — «Вепрь-2». Доктор Космодемьянская эвакуирована, состояние критическое. Контакт с объектом состоялся. Результат не известен. Каким способом неизвестно. Похоже на прямой нейрообмен без физического подключения. Объект, повторяю, вступил в коммуникацию. Прошу немедленно доложить наверх.

Из наушника пришёл короткий, рубленый ответ:

— «Вепрь-2», вас понял. Докладываю. Обеспечьте сохранность доктора любой ценой. Ждите дальнейших указаний.

— Есть.

Ковалёв отключил микрофон, посмотрел на бледное, искажённое болью лицо Алины. Её губы шевелились, будто она пыталась произнести что-то, но из горла вырывался только хрип.

— Держись, учёная, — тихо сказал он, вытирая кровь с её щеки тампоном, который протянул Виноградов. — Ты только что сделала то, что не кто в мире не делал. Мы тебя вытащим.

«Буран» вылетел на прямую, расчищенную грейдером дорогу, прибавил ходу. В свете фар мелькали бетонные плиты ограждения, высоковольтные линии, антенны связи. Городок учёных приближался. На горизонте уже виднелись тусклые, сквозь пургу, огни въездного КПП. Там, у медицинского блока, их уже ждали — реанимационная бригада в скафандрах изоляции и глав врач, поднятый по тревоге звонком из Ставки.

Глава 3. Джейсон Фокс

Высота — двадцать восемь километров. Скорость — Мах 5.2. Температура обшивки — восемьсот градусов по Цельсию. За иллюминатором кокпита «Старскана» бушевало море огня — плазма, рождаемая трением об атмосферу. Внутри же было относительно тихо, прохладно и почти медитативно. Почти.

Джейсон Фокс проверял показания. Все системы «Сокола-1» в норме. За спиной, в пассажирском отсеке, его команда из двенадцати человек — лучших из тех, кого можно было купить за деньги. Каждый был погружён в свои предбоевые ритуалы: кто-то мысленно повторял карту местности, кто-то проверял уже десятый раз снаряжение, кто-то просто смотрел в пустоту, в большинстве случаев это означало что человек молится. Фокс понимал их всех. Сам он в такие моменты любил вспоминать свою первую крупную покупку — яхту «Ускользящая». Как он стоял на её палубе у берегов Барбадоса, пил виски и думал: «Вот она, жизнь». Сейчас яхта мирно покачивалась где-то в Карибском море, а он летел в самое пекло сибирской тайги. Ирония, fucking судьбы.

— «Сокол-1», здесь «Гнездо». Выходим на рубеж отделения через тридцать секунд. Готовность к проникновению в зону ПВО, — раздался в шлеме спокойный голос оператора с базы в Норвегии. — Вас понял, «Гнездо», — ответил Фокс, пальцы уже лежали на рычаге управления. — Снижаемся по профилю «Призрак». Готовьте данные последнего спутникового пролёта. — Данные поступают. Целевая зона активна. Обнаружены наземные силы противника в радиусе пяти километров от объекта. Лёгкая техника, пехота. Признаков тяжёлых систем ПВО не видно. — Пока тихо, — мысленно отметил Фокс. — чисто. Профиль «Призрак» предполагал не просто снижение, а сложный, изломанный манёвр с имитацией падения метеозонда — чтобы на экранах российских радаров они на несколько критических минут стали неразличимым шумом. Технология стоила миллиарды. Она и была главным аргументом «Одиссея».

— Отделение через пять, четыре, три, два, один. Отделение. Раздался глухой удар, и «Старскан» содрогнулся. Гиперзвуковой блок отстрелился, и теперь они планировали на почти невидимых для радаров крыльях из метаматериала. Падение стало резче. В иллюминаторе огненный шторм сменился чёрным небом, усеянным звёздами, а затем — сплошной, бездонной темнотой тайги внизу.

— Включаем активный камуфляж, — скомандовал Фокс. — Все на своих местах. Приземление в точке «Альфа» через девяносто секунд. Первая цель — установить периметр. Никаких контактов до моего приказа. Мы мыши, а не буйволы.

За его спиной раздалась шелчка пристёгивающихся карабинов, тихие голоса подтверждений. Профессионалы. Не задают лишних вопросов. В этом был и плюс, и минус. Плюс — предсказуемость. Минус — когда всё летит к чертям, им иногда не хватает той самой искры, инициативы. Или паранойи.

«Старскан» с почти неслышным шипением коснулся снега на крошечной, заранее выбранной поляне в двадцати километрах от цели. Активный камуфляж слил его очертания с лесом. Люки открылись беззвучно. Морозный воздух, пахнувший хвоей и снегом, ворвался внутрь. Минус тридцать два показал экран дополненной реальности.

— По контуру, быстро, — прошептал Фокс, выскальзывая наружу. Его костюм «Фантом» моментально адаптировался к температуре и фону. На внутреннем дисплее шлема загорелись зелёные метки его людей, растекавшихся по периметру, и скудные данные с борта: атмосфера в норме, радиационный фон — в норме, связь с «Гнездом» — устойчивая.

«Где же ты, русский медведь? — думал Фокс, приседая за толстым стволом кедра. — Где твоя армия, где твои солдаты?»

— «Сокол-1», «Гнездо». Обновили карту тепловых сигнатур. Видим вашу группу. Видим расчёт русских в четырёх километрах к востоку. Они статичны. Похоже, просто сторожевое охранение. Рекомендуем обход с севера. — Вас понял, — ответил Фокс. — Двигаемся по маршруту «Бета». Поддерживайте тишину в эфире.

Они поползли вперёд, как призраки. Снег под ногами не хрустел — подошвы ботинок гасили звук. Даже дыхание было слышно только внутри шлемов. Лес вокруг был тих и величественен. Гигантские деревья, закутанные в снежные шубы, стояли, как немые стражи. Фоксу почему-то вспомнился старый документальный фильм про экспедицию Джорджа Кеннана. Тоже американец. Тоже Сибирь. Тоже холод.

Шли час. Два. Пройдено двенадцать километров. Никаких контактов. Ни мин, ни датчиков, ни патрулей. Это начало нервировать.

— «Гнездо», «Сокол-1». Слишком чисто. У них тут должен быть хоть один мобильный комплекс. Хотя бы «Панцирь». — Данные спутников чистые, «Сокол-1». Возможно, они не успели перебраться. — Или не стали, — мрачно подумал Фокс. — Потому что...

Внезапно на внутреннем дисплее у одного из замыкающих — Родригеса, бывшего рейнджера — замигал жёлтый значок. — Хефе, — тихий голос в общем канале. — Компас глючит. Стрелка дёргается. Фокс посмотрел на свой. Магнитный компас действительно показывал какую-то дичь, колеблясь на двадцать градусов. Электронная навигация пока работала. — Электромагнитные помехи? — спросил он. — Нет, фон в норме, — ответил техник группы. — Это что-то другое. Локальное.

Тревога, тихая и холодная, провела пальцами по его позвоночнику. Он поднял руку, сжав кулак — сигнал «стоп». Группа замерла.

— «Гнездо», «Сокол-1». Проверьте связь. У нас возможны локальные помехи. — Связь с вами устойчивая, «Сокол-1». Канал чист.

И в этот момент пропал спутниковый сигнал. Просто исчез. Иконка на дисплее потухла. Одновременно с этим электронная карта в шлеме Фокса замерла, а потом начала медленно вращаться, теряя ориентацию. — Чёрт! Навигация падает! — У меня тоже! Голоса в канале участились, сохраняя выученную сдержанность, но в них уже звенела доля паники. — «Гнездо», «Сокол-1»! У нас сбой систем наведения! Повторяю, сбой! Что происходит?! Ответа не было. Только лёгкий шипящий звук с редкими шелчками в наушниках. Фокс отчаянно пытался сориентироваться по старомодному аналоговому компасу на запястье. Тот бешено вращался, словно сумасшедший. — Так Спокойно, — сказал он себе и группе. — Возвращаемся к точке «Альфа». По солнцу. По памяти. Но солнца не было видно за плотным слоем облаков и крон деревьев. А память в бесконечном, однообразном лесу — ненадёжный союзник. Следы уже давно замело.

Они шли ещё полчаса, пытаясь выйти на обратный курс. И попали прямо на минное поле. Первый подорвался Смитти. Раздался негромкий, сухой хлопок, и его левая нога ниже колена просто исчезла в облаке розового тумана и раздробленного композита костюма. Он упал без крика, только короткий выдох в эфир. — Мины! Круговая оборона! — закричал Фокс, отскакивая за дерево. Но отскакивать было уже некуда. С земли, из-под снега, начали подниматься тонкие, почти невидимые нити — датчики натяжения. Они были повсюду. — Это это умны мины — простонал техник, прежде чем рядом с ним взорвалась вторая, подбросив его тело, как тряпичную куклу.

И тут из леса, почти беззвучно, начали стрелять. Не громкие выстрелы автоматов, а тихие, словно щелчки, звуки бесшумных снайперских винтовок. Пули били точно в сочленения костюмов, в блоки питания, в оптику. Не для убийства. Чтобы обездвигить, ослепить. — Засада! — крикнул Фокс, давая очередь в сторону вспышек. Его люди пытались отстреливаться, но они стреляли в пустоту. Противник был невидим. Невидим и вездесущий. —

«Гнездо»! Нас атакуют! Нам нужна эвакуация! Координаты — он посмотрел на сдохший дисплей, — Fuck координаты не знаю! Примерно в десяти километрах от цели!

В ответ — только шипение. И новый голос, чужой, прорвавшийся в их частоту. Голос говорил на ломаном, но понятном английском: — Солдаты удачи. Ваш контракт аннулирован. Сдавайтесь. Или умрите в неизвестности. Выбор за вами.

Фокс прислонился спиной к дереву, переводя дыхание. Вокруг него, в снегу, лежали или медленно умирали его люди. Он видел, как у Родригеса запотевал изнутри визор — значит, система жизнеобеспечения повреждена. Смитти истекал кровью. Техник не двигался. Он был в ловушке. В полной, абсолютной, технологической ловушке. Их, лучших из лучших, с их миллиардным снаряжением, взяли, как котят. Почти без боя. Проще, чем он брал укрепленные усадьбы наркобаронов в Колумбии.

Он отцепил от пояса гранату. Посмотрел на неё. А потом услышал в своём шлеме слабый, прерывистый сигнал. Не с «Гнезда». Это был открытый гражданский канал. Женский голос, полный паники: — повторяю, это экстренное вещание! В Нью-Йорке беспорядки! Протестующие штурмуют офисы «Одиссея»! Они говорят, что нас обманули! Что там, в Сибири, нет никакой угрозы, только Голос оборвался. Потом другой голос, мужской, официальный: «не поддавайтесь панике. Операция «Гиперборея» проводится в интересах международной безопасности»

Фокс выключил приёмник. Ему стало смешно. Горько, цинично и очень смешно. Их бросили. Не только здесь, в лесу. Их бросили там, дома. Миссия провалена ещё до того, как они сделали первый выстрел. А он, Джейсон Фокс, лучший в своём деле, сейчас умрёт в снегу за чужую, никому не нужную авантюру.

Он только хотел взвести гранату. — Ну что ж, — прошептал он в пустоту. — Если уж помирать, то с музыкой. И в этот момент из-за дерева в десяти метрах от него вышел человек. Не в высокотехнологичном камуфляже. В обычном белом маскхалате, с автоматом Калашникова старого образца в руках. Лицо спокойное, даже скучающее. Он посмотрел прямо на Фокса, на гранату в его руке, и покачал головой. Потом жестом показал: «Положи». Фокс замер. Он мог бросить гранату. Убить этого русского и себя. Или Он разжал пальцы. Граната беззвучно упала в мягкий снег. Русский кивнул, подошёл, аккуратно поднял её, загнул усики чеки обратно и положил в карман. Потом жестом велел Фоксу встать и снять шлем. Холодный воздух ударил в лицо. Он видел своё дыхание, парящее в морозном воздухе. Видел, как к его раненым товарищам подходят другие такие же белые фигуры, начинают оказывать первую помощь. Без злобы и ненависти. Как механики чинят сломанные машины. Русский, который обезвредил гранату, посмотрел на него. — Война окончена, — сказал он просто. — Для вас. Фокс не нашёл, что ответить. Он только смотрел, как последние огоньки на дисплеях его костюма гаснут один за другим, словно умирающие звёзды. И думал о яхте. О тёплом Карибском море. И о том, какой же он был идиот.

Они связали ему руки за спиной пластиковыми стяжками, не грубо, но и не церемонясь. Просто стандартная процедура. Русский, обезвредивший гранату, обыскал его на предмет скрытого оружия, нашёл два запасных магазина, нож и маленький пистолет-лилипуп в подкладке. Всё это молча убрал в свой вещмешок.

— Get up, — сказал он. — Go.

Фокс встал. Ноги дрожали от адреналина и холода, но он заставил их слушаться. Его повели вглубь леса, подальше от места засады. Минут через двадцать они вышли на узкую, укатанную снегоходами дорогу. Здесь уже кипела жизнь, никак не вязавшаяся с мёртвой тишиной тайги.

Всюду сновали солдаты. В обычной камуфляжной форме цвета хаки, с российскими триколорами на рукавах. Они разгружали ящики с оборудования с тягачей на гусеничном ходу, устанавливали антенные комплексы, натягивали маскировочные сети между деревьями. Это

была не просто засада. Это был передовой оперативный пункт. Полноценный, хорошо оборудованный и, судя по всему, развёрнутый здесь уже какое-то время.

Фокс почувствовал, как у него ёкнуло в груди. Значит, они не просто попали в случайную засаду. Их появление здесь ждали. Знали маршрут. Знали их возможности. И подготовились.

Невидимые мины. Подавление связи и навигации. Снайперы, знающие слабые места их костюмов. Это не реакция. Это продуманная схема. Их не обнаружили по пути. Их заманили. И вели сюда, на это минное поле, как скот на убой.

«Они играли не в войну, — с ледяной ясностью подумал Фокс. — Они охотились. А мы были дичью».

Его провели мимо полевой кухни, откуда пахло дымом и чем-то мясным. Солдаты, сидевшие на ящиках с пайками, с ленивым, профессиональным интересом посмотрели на пленного в суперсовременном, но грязном и порванном костюме. Никто не свистел, не оскорблял. Просто смотрели, как на диковинку в зоопарке.

— Жди, — сказал его конвоир и отошёл к группе офицеров, обсуждавших что-то над планшетом.

Фокс стоял, сгорбившись. Холод начинал пробираться сквозь повреждённый костюм. Он смотрел на русских солдат. Они не выглядели как супермены. Выглядели нормально. Усталые, немного небритые, кто-то курил. Но в их движениях была та самая спокойная уверенность, которую не купишь ни за какие деньги. Уверенность людей, которые находятся у себя дома.

И тут его взгляд уловил нечто, отчего кровь окончательно стыла в жилах.

На краю лагеря, у огромной радиостанции на шасси грузовика, стояли двое солдат, разговаривая. Их камуфляж был другим — более тёмным, с непривычным для глаза узором. На рукавах были нашивки. Не российский триколор. Нашивки с красной звездой, серпом и молотом, и иероглифами, которые Фокс, проходивший подготовку по азиатскому театру военных действий, узнал мгновенно. Корейская Народная Армия.

Один из них, невысокий, коренастый офицер, что-то говорил своему рослому русскому коллеге, указывая на карту. Русский кивал. Их общение было лишено даже тени недоверия или непонимания. Слаженное. Как у партнёров, давно работающих вместе.

— Союзники — прошептал Фокс. Вот куда пропали все высокотехнологичные русские ПВО. Их просто не задействовали. Потому что на земле уже ждала не российская, а объединённая оборона. Причём такая, о которой у разведки КСН не было ни единого fucking слова. Это был полный, тотальный провал не только тактический, но и стратегический.

Его конвоир вернулся в сопровождении русского офицера — капитана, судя по погонам. Офицер внимательно, осмотрел Фокса.

— Джейсон Фокс, кодовое имя как не странно тоже «Лис», командир отделения «Гамма» ЧВК «Одиссей», — сказал капитан на чистом, с лёгким акцентом английском. — Добро пожаловать в Сибирь. Жаль, что при таких обстоятельствах.

«Лис» молчал. Что тут можно сказать?

— Ваши раненые получили помощь. Выживут. С вами будут обращаться в соответствии с Женевской конвенцией, — продолжал капитан. — У нас к вам несколько вопросов. Позже. А сейчас вам нужно отогреться.

Его отвели к брезентовой палатке, поставили на колени и перерезали стяжки. Внутри палатки было на удивление тепло от переносной печки. На ящиках из-под боеприпасов сидели ещё двое его людей — Родригес и молодой снайпер Картер. Они были без верхнего слоя брони, в одном термобелье, закутаны в серые одеяла. Картер дрожал. Родригес встретил взгляд «Лиса» и еле заметно покачал головой: «Всё хреново, шеф».

— Сидите, — сказал конвоир. — Есть будете позже. Не шумите.

Он вышел, оставив у входа часового.

Минуту в палатке царила тишина, нарушаемая только треском печки и прерывистым дыханием Картера.

— Они они знали, шеф, — наконец прошипел Родригес. — Они знали всё. Где мы приземлимся, как пойдём У них даже частоты наши были. Мой «Фантом» он просто отключился по команде. Как будто его выключили дистанционно.

— Не может быть, — хрипло сказал Картер. — У «Фантома» нет внешнего интерфейса

— А у них, видимо, есть, — мрачно закончил Фокс. Он посмотрел на свои руки. — Это не мы их прозевали. Это они нас вырастили. Как скот на убой. И использовали наши же технологии против нас.

Мысль была чудовищной. «Одиссей» гордился своим технологическим превосходством. А тут оказалось, что противник не только не отстаёт, но и умеет взламывать их «коронные» системы с пугающей лёгкостью.

Снаружи донёлся гул тяжёлых двигателей. Фокс осторожно отодвинул полог палатки на сантиметр. На дорогу въезжала колонна. Не российская техника. Это были грузовики с высокими решётчатыми бортами и камуфляжем, который он видел лишь на учениях в глухих уголках Азии. За ними — лёгкие танки с длинноствольными пушками, похожие на старые советские модели, но модернизированные.

— Это северокорейцы? — не веря своим глазам, прошептал Родригес.

— Да, — коротко бросил «Лис». — И похоже, их тут немало.

Колонна проехала дальше, вглубь леса. На борт одного из грузовиков был нанесён белой краской опознавательный знак: перекрещенные молот и стрела, а ниже — латинскими буквами: «VOP — СЕКТОР 4».

Восточный Оборонительный Пакт. Теоретический союз, о котором аналитики твердили годами, но который все считали фикцией, пропагандистской ширмой. Он оказался реальностью. И он действовал здесь, в сибирской глуши, с пугающей, отлаженной эффективностью.

Фокс отпустил полог и откинулся на ящик. В голове крутилась одна-единственная мысль, холодная и ясная: миссия «Гиперборея» была обречена с самого начала. Её обрекли не русские. Её обрекло новое геополитическое уравнение, которое старый мир в Вашингтоне и Брюсселе просто отказался признавать. Они послали его и его людей не на операцию. Они послали их на разведку боем. И они эту разведку проиграли.

Он закрыл глаза. Перед ним снова всплыла яхта. Тёплое солнце. И голос жены.

«Прости, Сара, — подумал он с горькой иронией. — Кажется, твой муж оказался тем ещё идиотом. Но, чёрт возьми, мы хотя бы выяснили, с кем имеем дело. Жаль, что нам уже некому об этом рассказать».

Снаружи, в лагере, кто-то скомандовал по-русски. Загремели ящики, заурчали двигатели. Новая игра только начиналась. Но для Джейсона Фокса и его команды она была уже закончена. Они стали первыми, но, он чувствовал, далеко не последними жертвами большой, тихой перестройки мира. А сам мир об этом даже не догадывался.

Глава 4. Расчет Безнадежности

Вилла «Эдельвейс», Интерлакен, Швейцария. День 1 после приземления «Объекта».

Вид из панорамных окон должен был завораживать: Альпы, зубчатые пики, утопающие в вечерней дымке. Сэр Эверард Локк не видел ничего. Его взгляд был обращён внутрь, в пустоту, которую не мог заполнить даже тридцатилетний односолодовый виски в его бокале.

Комната, стилизованная под альпийский шале, была полна тишины. Не комфортной, а тяжёлой, как свинцовое покрывало. Здесь не было флагов, гербов, официальных протоколов. Здесь был реальный нервный узел Коалиции Свободных Наций (КСН). Место, где принимались решения, которых никогда не увидит ни парламент, ни конгресс.

За столом из тёмного венге, кроме него, сидели двое:

Виктория Кроу, сенатор, председатель комитета по разведке. Её стремительная карьера была построена на умении чувствовать ветер и делать ставки на сильнейших. Сейчас её макияж не мог скрыть лёгкой дрожи в уголках губ.

Доктор Артур Морган, лицо без лица. Номинально — глава совета директоров транснационального концерна «Гефест-Индастриз». Реально — один из серых кардиналов, чьи активы пронизывали ВПК, энергетику и медиа КСН. Он молча перебирал чётки из чёрного нефрита, его лицо было маской вежливого внимания.

Напротив них, у голографического проектора, стоял генерал Томас Алдрич. Он только что закончил презентацию. Карты, схемы, оценки сил. Сухой, профессиональный доклад, который заканчивался цифрой: «Вероятность успеха операции «Гиперборея» при условии внезапности и невмешательства третьих сил — 38,7%».

— Тридцать восемь целых и семь, — голос Локка прозвучал тихо, почти задумчиво. Он отпил виски, поставил бокал с тихим стуком. — Генерал, если отбросить протокол ваш личный, солдатский прогноз. Что на самом деле означают эти цифры?

Алдрич замер. Он привык к вопросам политиков, но не к такой прямоте. — Это означает, сэр, что мы бросаем кости. Если русские не успеют перебросить тяжёлые системы, если их киберзащита даст сбой, если их союзники не среагируют в первые шесть часов то у нас есть шанс. Один удар, захват плацдарма, эвакуация. Как операция «Коготь орла» в 2011-м, только масштабнее.

— «Если», «если», «если», — Локк покачал головой. — А теперь давайте рассмотрим стопроцентные последствия. Допустим, чудо. Мы выигрываем. Артефакт у нас. Что дальше, Артур?

Морган поднял глаза. В них не было ни энтузиазма, ни страха. Только холодный анализ. — Дальше — технологическая революция. Не наша! Русские учёные уже сутки работают с объектом. У них связь, они в среде при эвакуации они поспорят открутить от него все что откручивается. Наши специалисты, даже заполучив ядро, будут разбираться с нуля. В лучшем случае — годы обратного инжиниринга. Тем временем Китай, как мы видим, уже инициировал технические сбои в поставках редкоземов и компонентов для наших квантовых систем. Наша цепочка создания технологий надрезана. Мы будем вечно догонять.

— Это ещё оптимистичный сценарий, — вмешалась Кроу. Её голос звучал резко, сдавленно. — Пессимистичный — они объявят нас агрессорами, разорвут все договоры и применят аналог своей Статьи 5 своего Пакта. Наши силы в Сибири окажутся в мясорубке, а Чжан Вэй обрушит наш фондовый рынок такими методами, против которых наши санкции — детские куличики. Мы получим не технологический прорыв, а полномасштабную, причём проигранную гибридную войну.

Локк кивнул, глядя в пустоту за окном. — Именно. Но давайте посмотрим ещё дальше. Допустим, мы отступаем. Отменяем «Гиперборею». Оставляем артефакт им. Что тогда?

Морган щёлкнул пальцем. На голограмме возникла временная шкала. — Тогда, по нашим моделям, через три-пять лет они деклассируют ключевые технологии артефакта. Через семь — начнут строительство крупномасштабной инфраструктуры, вероятно, орбитального лифта или гравитационного ускорителя. Через пятнадцать их промышленная и научная база, объединённая в рамках ВОП, достигнет такого уровня, что наша нынешняя гегемония покажется архаикой. Наши авианосные группы, наша система глобального быстрого реагирования станут музейными экспонатами. Они перестанут с нами считаться не потому, что не хотят, а потому, что разрыв станет слишком велик. Мы окажемся в положении ну, скажем, Великобритании середины двадцатого века по отношению к восходящим сверхдержавам сегодня. Не враг. Не партнёр. Исторический анахронизм. Дикари с копьями.

В комнате снова повисла тишина. Даже генерал Алдрич, привыкший к стратегическим играм, чувствовал, как по спине ползёт холодок. Это был не анализ поля боя. Это был приговор цивилизации.

— Значит, мы проиграли? — спросила Кроу, и в её голосе впервые прозвучала растерянность. — Даже не начав? Мы просто устарели?

— Мы проиграли парадигму, Виктория, — мягко сказал Локк. — Мы построили мир на кредитах, на идее бесконечного роста, на убеждении, что нашу модель можно экспортировать силой санкций или шоу. Они построили свою — на страхе, долге, дисциплине и, как теперь выясняется, на готовности к нестандартным угрозам. Их мир, как ни парадоксально, оказался более приспособлен к выживанию в жестокой вселенной.

— Тогда зачем? — Алдрич не выдержал. — Зачем отдавать приказ на операцию, которую вы сами считаете авантюрой? Зачем посылать людей на смерть?

Локк посмотрел на него. В его старых, выцветших глазах не было ни капли жалости. Только усталая решимость. — Потому что, генерал, это единственный оставшийся у нас ход. Мы не можем выиграть войну за будущее. Но мы можем сделать так, чтобы наше поражение было дорогим для них. Операция «Гиперборея» — это не попытка победить. Это сообщение. Сообщение от умирающей, но всё ещё опасной империи новой восходящей силе.

Он поднялся, подошёл к окну. — Мы бросаем в Сибирь наш лучший контингент. Мы заставим их воевать. Мы заставим их убивать наших парней. И когда они, в конце концов, разобьют «Одиссей» — а они разобьют, — у них на руках будет не чистая победа. У них на руках будет груз: трупы, пленные, доказательство нашей агрессии и наша демонстрация силы. Слабой, отчаянной, но силы. Они будут знать: добить нас окончательно — значит получить партизанскую войну по всему миру, тотальный коллапс логистики, хаос, который поглотит и их ресурсы.

Он обернулся. Его лицо было жёстким, как гранит альпийских скал. — И тогда, генерал, когда дым над сибирской тайгой рассеется, мы выйдем на контакт. Не как побеждённые мольбы. Как сложная проблема. Проблема, которую дешевле решить не добиванием, а интеграцией. На своих, разумеется, условиях. Мы предложим им капитуляцию. Но капитуляцию, которая сохранит наши элиты, наши корпорации, наш образ жизни — пусть и в урезанном, подконтрольном виде. Мы встроимся в их новый мир не как равные, а как младшие, но необходимые партнёры. Со своими нишами, со своим опытом, со своими, прости господи, деньгами. Мы продадим им нашу сдачу. И постараемся сделать это как можно дороже. Вот для чего «Гиперборея». Это цена нашего входа в будущее, в котором мы больше не хозяева.

Генерал Алдрич молчал. Он смотрел на этих людей и понимал, что они только что приговорили его солдат — его команду — к смерти. Не из-за ошибки. Не из-за жадности. Из-за холодного, бесчеловечного, безупречного расчёта. Его люди были разменной монетой в самой большой сделке столетия.

— Вы понимаете, что вы делаете? — тихо спросил он.

Виктория Кроу посмотрела на него. В её глазах уже не было дрожи. Только ледяной блеск принявшего решение хищника. — Мы спасаем то, что можно спасти, генерал. Цивилизацию. Нашу цивилизацию. Даже если для этого её придётся ампутировать. И пересадить в новое тело. У вас есть приказ. Исполняйте.

Когда Алдрич вышел в холодный швейцарский вечер, его тошнило. Не от страха. От осознания. Он и его люди были не солдатами. Они были живым сигналом. Сигналом безнадёжности и последней ставки.

А в комнате с видом на Альпы сэр Эверард Локк налил себе ещё виски. — Они сделают это? — спросил Морган, не поднимая глаз от чётков. — Сделают, — ответил Локк. — Потому что они — солдаты. А солдаты умирают, чтобы политики могли торговаться. Надеюсь только, что Чжан Вэй и его русский коллега окажутся достаточно умны, чтобы понять наш намёк. И примут наши условия. Иначе иначе всё действительно кончено.

Он выпил залпом. Будущее, которое он только что спланировал, было горьким, как этот виски. Но это было будущее. А альтернатива — небытие.

Глава 5. Чжан Вэй

Пекин. Офис 617, 89-й этаж башни «Жемчужная игла». Время — 6:48 по пекинскому. За окном — утренний смог, разрисованный неоновыми иероглифами рекламы. Внутри — идеальная тишина, нарушаемая лишь почти неслышным гудением серверных стоек и мягким шелестом системы кондиционирования.

Чжан Вэй не любил слово «война». Оно было эмоциональным, иррациональным, слишком человеческим. Он предпочитал термин «критическое перераспределение ресурсов в условиях конфликта интересов». Ситуация в России классифицировалась у него как «Конфликт-34Б». Объект «Подарок» — «Актив X». Коалиция Свободных Наций — «Субъект-Альфа».

Перед ним в воздухе висело семь голографических экранов. Каждый показывал свой аспект реальности.

Экран 1: Финансовые потоки. Биржа NASDAQ, графики акций ключевых оборонных подрядчиков КСН — «Локхид-Нортруп», «Рейтеон», «Одиссей Солюшнз». Все линии, после вчерашнего закрытия, уверенно ползли вниз. На 12.3%, 8.7% и 15.1% соответственно. Рыночная капитализация «Одиссея» за сутки испарилась на 4.2 миллиарда долларов. Причина: утечка данных о расследовании коррупции в совете директоров, опубликованная анонимным хакерским коллективом «Красный дракон» в 03:00 по Гринвичу. Чжан Вэй не улыбнулся. Он сделал пометку в протоколе: «Операция «Разъедающая ржавчина», этап 1. Эффективность — 94%. Переход к этапу 2».

Экран 2: Логистика. Карта мировых морских путей. Три крупных контейнеровоза под флагами Панамы и Либерии, следующих с военным снаряжением для баз КСН в Европе, стояли в Красном море. Официальная причина — «внезапные технические неисправности систем навигации». Неофициальная — их береговые центры управления получили кибернетические инструкции провести «внеплановую техническую проверку». Задержка — 72 часа минимум. Стоимость простоя — 18 миллионов долларов в сутки. Чжан Вэй отметил: «Операция «Тихий штиль». Эффективность — 100%».

Экран 3: Орбитальная обстановка. Схема размещения спутников. Два американских спутника-шпиона серии «Кей-Хэвок» над Арктикой мигали красным. Их передача данных на наземные станции в Норвегии и Аляске была нарушена. Не глушением. Точечным, избирательным засорением их каналов передачи ложными пакетами данных, имитирующими помехи солнечной активности. Аналитики КСН потратят часы, чтобы отличить шум от реальной атаки. Чжан Вэй записал: «Операция «Зеркальный туман». Эффективность — 87%. Требуется коррекция алгоритма для спутников новой серии «Кей-Сигма».

Экран 4, 5, 6: Потоки сырья. Цены на титан, литий, редкоземельные элементы. Динамика добычи. Всё стабильно. Пока. Чжан Вэй ждал сигнала от Ставки ВОП в Москве, чтобы отдать приказ о начале операции «Каменный цветок» — скупке через подставные компании фьючерсов на эти ресурсы, что вызовет искусственный дефицит и панику на рынках КСН через 5-7 дней.

Экран 7: Прямой видеоканал. Тихий, заснеженный лес. Чжан Вэй наблюдал за этим экраном с тем же выражением лица, с каким смотрел бы на тестовое видео работы нового промышленного робота.

На экране группа людей в чёрных костюмах осторожно двигалась по лесу. «Одиссей». Метки на карте показывали, что они идут точно по спрогнозированному коридору «Бета». Чжан Вэй знал их маршрут лучше, чем они сами. Его алгоритмы, проанализировав тысячи часов публичных выступлений, интервью и паттернов проведения военных кампаний под руководством командующего операцией «Гиперборея» генерала Алдрича, дали 91% вероятность именно этого пути.

В углу экрана мигали данные: температура, влажность, скорость ветра. Идеальные условия для наземной операции русских и корейских союзников. Чжан Вэй обеспечил им это. Спутники КСН, которые должны были предупредить о сосредоточении войск ВОП, в ключевой момент «ослепли» из-за запланированной «вспышки на Солнце», данные о которой были искусственно сброшены в их системы за час до начала.

Он наблюдал, как первый наёмник подрывается на mine. Видел, как падают следующие. Видел, как из леса появляются белые фигуры русских и тёмные — корейцев. Бой был коротким, методичным и без эмоциональным. Как работа хирургического лазера.

Чжан Вэй не испытывал ни удовлетворения, ни отвращения. Он фиксировал эффективность: «Тактическая операция «Встреча-3». Координация подразделений РФ и КНА. Время нейтрализации первой цели: 4 минуты 17 секунд. Потери противника: 100% боеспособности. Потери союзников: 0%. Эффективность применения средств РЭБ: 98%».

Он отправил зашифрованное сообщение в Москву и Пхеньян: «Этап «Молот». Эффективность соответствует прогнозу. Инициатива полностью перешла к ВОП. Перехожу к этапу «Наковальня» — полное экономическое и информационное удушение «Субъекта-Альфа»».

Затем он переключил внимание на Экран 1. Графики продолжали падать. Он активировал голосовую связь с одним из своих подчинённых в Шанхае.

— Ли-цзюнь, уровень 4. Запускаем пакет «Чёрный лебедь-2». Цель — банковская система КСН. Метод — атака на программное обеспечение процессинговых центров. Замедлить. Коэффициент замедления — 0.5. Длительность — 48 часов. — Понял, господин министр. Будет выполнено.

Чжан Вэй откинулся в кресле. Атака на процессинговые центры вызовет сбой в миллионах транзакций: от зарплат до платежей за коммуналку. Это не будет катастрофой. Это будет раздражением. Массовым, нарастающим раздражением граждан КСН, которые не смогут оплатить счета, получить деньги. Раздражение перерастёт в гнев. Гнев будет направлен на власти, которые ведут непонятную военную авантюру в Сибири. Социальная стабильность — самый уязвимый актив «Субъекта-Альфа». И он начал трещать по швам.

На его планшет пришло сообщение. От Стрелецкого. Текст был кратким, как выстрел: «Подарок» открывается. Наши учёные в контакте. Нужны ваши люди для анализа данных. Скоро думаю узнаем, зачем он здесь.

Чжан Вэй позволил себе минимальную, почти невидимую реакцию: его брови приподнялись на миллиметр. «Актив Х» переходил из категории «гипотеза» в категорию «фактор». Фактор требовал оценки. Он набрал ответ: «Группа кибернетиков и экзотингвистов из Академии наук будет в «Академград-7» через 6 часов. Обеспечьте безопасный канал передачи данных. Мы интегрируем полученные знания в нашу стратегическую модель».

Он отправил сообщение и снова посмотрел на экраны. Его разум уже строил новые модели. Если «Актив Х» нёс технологию — её нужно было не просто изучить, а интегрировать в экономику ВОП с максимальным КПД. Если он нёс угрозу — её нужно было просчитать и нейтрализовать с минимальными затратами. Любая эмоция — страх, жадность, надежда — была помехой в этих расчётах.

Его секретарь вошла без стука — это было разрешено только в условиях «Конфликта».

— Господин министр. Поступила информация. Независимый журналист, Майя Рендольф, только что обнародовала записи перехваченных переговоров наёмников «Одиссея» из России. Записи полны паники и подтверждают их поражение. Видео уже набирает десятки миллионов просмотров. Чжан Вэй кивнул. Это был предсказуемый фактор. «Субъект-Альфа» терял контроль над нарративом. — Отслеживайте реакцию на фондовых рынках и в социальных сетях. Готовьте пакет «Белый шум» — нам нужно усилить эту волну, если их пропаганда попытается её подавить. — Слушаюсь.

Он снова остался один. Взгляд его упал на маленькую, живую орхидею в стеклянном кубе на столе — единственный непрактичный предмет в кабинете. Её поливала и удобряла специальная система по строгому графику. Орхидея цвела. Она была идеальна. Предсказуема. Как и его план.

«Субъект-Альфа» агонизировал. Его военная авантюра провалилась. Его экономика начинала давать сбой под точечными, невидимыми ударами. Его общество теряло веру. Это была не победа в классическом смысле. Это была системная деградация противника до состояния неспособности к дальнейшему сопротивлению.

Чжан Вэй взял планшет и открыл файл под названием «Проект «Завтра»: Пост-конфликтная архитектура глобальных ресурсных потоков». Война скоро закончится. Начиналась более сложная работа — перестройка мира. И для этого нужны были не солдаты, а архитекторы. Такие, как он.

Он сделал первую пометку в новом файле: Приоритет 1: Интеграция технологий «Актив Х» в промышленный комплекс ВОП. Ожидаемый прирост эффективности: от 300% до 1000% в ключевых отраслях. Риски: непредсказуемость внеземных паттернов. Меры: создание изолированных исследовательских зон с дублирующими системами контроля.

За окном Пекина день вступал в свои права. Где-то там, за тысячу километров, в сибирском лесу, русские и корейцы собирали пленных. Где-то в Вашингтоне и Брюсселе политики в панике пытались понять, что происходит. А здесь, в тихом кабинете на 89-м этаже, один человек уже строил будущее. Будущее, в котором не было места старому миру. Только цифры, логика и железная воля к порядку.

Он отпил глоток холодного зелёного чая. Вкус был чётким, горьковатым, бодрящим.

Глава 6. Полковник Пак Чоль

Граница. Река Амур. 05:47 по местному времени.

Стоя в открытом люке бронетранспортёра «Чоллима-3», Полковник Пак Чоль наблюдал за тем, как последние секции понтонного моста встали на свои гидравлические замки с тихим, удовлетворительным щелчком. Мост был возведён за один час и семнадцать минут инженерным батальоном 4-го корпуса. На тридцать три минуты быстрее расчётного времени. Пак отметил это в планшете для последующего поощрения отличившихся.

Его корпус не просто переходил границу. Он встраивался по запросу союзников. Каждая единица техники, каждый солдат имел свои координаты, свой временной слот, свою цель. Колонна растянулась на пять километров по заснеженной русской дороге, но движется она была не как железнодорожный состав, а как точный механизм. Уже через несколько часов после приземления союзники запросили поддержку. Через пятнадцать минут поступил приказ о выдвигении. Еще через десять минут первая техника начала формировать конвой. Никакой суеты. Никаких лишних радиопереговоров. Только короткие, шифрованные сообщения в общий сетевой центр.

Пак спустился внутрь БТР. Внутри пахло машинным маслом, металлом и слабым запахом дезинфектанта. На мониторах перед ним светилась цифровая карта театра военных действий. Зелёные треугольники — его подразделения. Синие квадраты — силы российского союзника, уже обозначенные в системе. И один красный ромб — инопланетный объект. Вокруг него пульсировала жёлтая зона радиусом в пять километров — зона абсолютного запрета для несанкционированного входа.

«Подарок». Пака не интересовало его происхождение. Его интересовали тактические параметры: размер (объективная угроза для манёвра), излучение (угроза для личного состава), возможные защитные системы (угроза для штурма). Пока данные говорили: угроза нулевая. Объект пассивен. Это делало его не опасностью, а активом. Активом, который необходимо удерживать.

Связь с российским полевым командованием была установлена ещё до пересечения границы. Канал был чистым, помехозащищённым. Голос русского полковника, отвечавшего за сектор «Буран», был таким же ровным и лишённым эмоций, как и его собственный. Это обнадеживало.

— Полковник Пак, вас приветствует «Буран-1». Ваши координаты подтверждены. Направляю вам актуальную расстановку. Основная угроза — мобильные группы противника в квадратах «Дельта» и «Омега». Их тактика — быстрые рейды. Ваша задача, как мы и договаривались, — закрепить северный и восточный фланги. Превратить их в стену. — Понял, «Буран-1». Корпус переходит к операции «Наковальня». Начало развёртывания через 2 минуты после прибытия. Жду подтверждения постановки минно-взрывных заграждений на участках 7-А до 7-В. — Подтверждаю. Минные поля установлены. Карты препятствий передаются вам сейчас. На планшет Пака поступили файлы. Русские работали аккуратно. Заграждения не просто перекрывали пути — они загнали вероятного противника в узкие коридоры, идеальные для флангового огня.

Колонна остановилась в назначенном районе сосредоточения — глухом, заснеженном лесу в двадцати километрах от объекта. Даже не отдав приказа, Пак знал, что происходит. Солдаты 1-й мотострелковой бригады уже покидали машины. Первое отделение — устройство круговой обороны. Второе — маскировка техники сетями с терморассеивающим покрытием. Третье — установка переносных радаров и датчиков движения. Всё без лишних слов. Каждый знал свою работу. Они делали это тысячи раз на учениях. Разница была лишь в температуре и в том, что противник на этот раз мог быть настоящим.

Пак вышел наружу. Мороз ударил в лицо, но его дыхание оставалось ровным. Он прошелся по периметру. Солдат, устанавливавший датчик, увидел его, замер, отдал честь. Пак молча кивнул, перевесил датчик на десять сантиметров выше. — Не скомандовал, а просто посоветовал Пак. Солдат тут же исправил положение.

Они были не «фанатиками». Они были инструментом. Идеально заточенным, преданным своему предназначению. Их сила была не в индивидуальной ярости, а в абсолютной, коллективной дисциплине. Как у муравьёв в гигантском муравейнике. Один муравей — ничто. Миллион муравьёв — сила, способная раздеть до скелета любое животное.

Через час развёртывание было завершено. Пункт управления корпусом — несколько быстро смонтированных модулей, утеплённых и заглубленных в снег — был готов. На экранах замигали данные с датчиков, поступили первые донесения от разведдозоров.

Именно тогда «Буран-1» вышел на связь снова, и в его голосе Пак впервые уловил лёгкий, едва уловимый оттенок чего-то, что не было сухой информацией. Было похоже на уважительное недоумение.

— Полковник Пак, у нас ситуация. Группа противника, предположительно диверсионная, проникла в квадрат «Дельта». Наши силы «Вепрь» ведут бой. Но нужна ваша помощь. Для создания непреодолимого периметра. Чтобы они не прорвались к объекту и не ушли обратно. — Понял. Координаты и параметры противника. — Передаю. Группа до пятнадцати человек. Высокотехнологичное снаряжение. Очень мобильны. Пак изучил карту. Квадрат «Дельта» — холмистая, залесённая местность. Русские уже обозначили свои силы. Их было недостаточно для создания плотного кольца. Они могли быть молотом, но им не хватало наковальни, чтобы прижать противника.

— «Буран-1», — сказал Пак. — Перебрасываю 3-й батальон 112-го полка. Они займут позиции по дуге, координаты передаю. Это создаст непроходимый барьер. Ваши силы могут вытеснить противника на эти позиции. — Согласовано. Ваши люди на марше? — Они уже на позициях, — ответил Пак, глядя на экран, где зелёные треугольники 3-го батальона уже начинали смещаться, ещё до получения формального приказа, предвосхищая его. — Ожидайте готовности через семь минут.

Следующие двадцать минут Пак наблюдал за тактической картой, как за игрой в го. Синие квадраты русских начали оказывать давление на красные точки противника. Красные точки попытались отступить, но наткнулись на внезапно появившуюся сплошную стену из зелёных треугольников. Попытка прорыва — и красные точки начинали гаснуть одна за другой. Не быстро. Методично. Зелёные треугольники не преследовали. Они просто стояли. И стреляли. Эффективно, экономно, хладнокровно.

«Буран-1» снова вышел в эфир. Теперь в его голосе звучала твёрдая удовлетворенность. — Полковник, противник нейтрализован. Часть уничтожена, часть сдалась. Ваши люди действовали безупречно. Благодарю. — Мы выполнили долг, — сухо ответил Пак. — Статус потерь? — С вашей стороны — ноль. Передаю координаты для сбора пленных и раненых. Ваши медики могут подойти. — Наши медики уже идут, — сказал Пак, хотя приказа он ещё не отдавал, это было прописано уставом. Старший врач батальона, увидев характер боя на общей схеме, уже направил санитарные группы.

Пак решил лично посмотреть на результат. Он сел в лёгкий снегоход и через несколько минут был на краю леса, где происходила зачистка. Его солдаты, в тёмном зимнем камуфляже, уже контролировали район. Раненых противников — в странных, чёрных похожих на кожу костюмах — переносили в укрытие. Убитых складывали в ряд, накрывая брезентом. Всё чинно, спокойно, без ненависти и без злорадства. Как работа санитаров в эпидемическом районе.

Один из пленных, мужчина с сединой в коротко стриженных волосах и лицом, искажённым смесью боли и ярости, увидел Пака в его отличной по крою форме с нашивками КНА. В его глазах вспыхнуло непонимание, а потом — леденящее прозрение. — Корейцы — прохри-

пел он по-английски. Пак остановился, посмотрел на него. Не как на врага. Как на интересный тактический феномен. — Да, — ответил он на том же языке. — Мы здесь. И вы здесь. Нас пригласили. А вас? — Но это же Сибирь! Какое вам дело?! Пак наклонил голову, рассматривая пленного, будто редкий экземпляр насекомого. — Союзник подвергся агрессии. Мы ответили. Всё согласно протоколу. Ваши действия были нерациональны.

Пленный закашлялся, плюнул кровью в снег. — Эмоции — плохой союзник в военном деле, — констатировал Пак. — Ваша ошибка была в том, что вы полагались на технологию больше, чем на разведку и логистику. Технологию можно нейтрализовать. Глупость — нет. Он кивнул санитару, чтобы тот продолжил работу, и отошёл. Его внимание привлекла не сцена пленения, а то, что происходило чуть в стороне. Его офицер обменивался данными с русским капитаном. Они стояли над планшетом, русский что-то показывал, его офицер кивал, вносил пометки в свой. Никакого языкового барьера. Только профессиональное взаимодействие.

Это и была суть ВОП. Не братство. Не дружба. Взаимодополняемость. Русские были стратегическим мозгом и стальным кулаком. Китай — скрытыми артериями снабжения и щитом. А Корейская Народная Армия они были плотью и кровью. Той самой массой, дисциплиной и неумолимой волей, которые превращали блестящий план в неопровержимый факт на земле.

Вечером, когда первые звёзды появились в прорехе между облаков, Пак получил новый приказ от «Буран-1». Объект «Подарок» начал проявлять активность. Российские учёные на месте просят усилить охрану и подготовить коридор для эвакуации данных, если что-то пойдёт не так.

Пак отдал необходимые распоряжения. Одна рота была поднята по тревоге и начала выдвижение к самому объекту для усиления внутреннего периметра. Всё шло по плану.

Перед тем как погрузиться в изучение отчётов, он на несколько секунд вышел из модуля. Морозная ночь была невероятно тихой. Где-то там, в двадцати километрах, лежала тайна, способная перевернуть мир. А здесь, вокруг него, в промёрзшей земле сибирской тайги, стояли тысячи таких же, как он, людей. Молчаливых, терпеливых, готовых. Не ради славы. Не ради денег. Ради исполнения долга. Ради того, чтобы их цивилизация, их союз имел право на эту тайну. И на будущее, которое могло из неё прорасти.

Полковник Пак Чоль сделал глубокий вдох. Воздух обжёг лёгкие. Он повернулся и вошёл в тёплый, освещённый огнями приборов модуль. Работа продолжалась.

В его полевом журнале появилась новая запись: «День 1 на территории союзника. Контакт с противником установлен. Противник нейтрализован. Взаимодействие с союзными силами — на уровне 98%. Потери: нулевые. Объект Подарок остаётся пассивным. Рекомендую усилить метеонаблюдение — ожидается усиление ветра, что может повлиять на работу датчиков периметра».

Глава 7. Вепрь

Запись бортового журнала БМП-4М «Варяг», группа «Вепрь-3». 06:12, день 7 после падения «Подарка».

Голос рядового Артёма Климова, 26 лет, оператор-наводчик:

(Звук тяжёлого дыхания, скрежет гусениц по мёрзлой земле, приглушённый рокот двигателя)

«И вот он, сука, седьмой день. Седьмой день после того, как эта чёрная хрень упала в тайгу и всё пошло под откос. Спали урывками, в машине, по часу. Ноги не чуешь уже, они как две чурки, примёрзшие к педалям. Кофе из термоса пахнет солярой. Сержант Маховиков, позывной Дед — говорит: «Держись, Артём, скоро смена». А «скоро» было ещё вчера.

Объект, мы его так и не увидели. Нас бросили на внешний периметр, на зачистку. Говорят, основные силы «Одиссея», что прорвались в первые сутки, уже разбиты или отрезаны. Но шавки остались. Отбившиеся, потерявшие связь, загнанные в угол. Самые опасные. Они уже не по контракту воюют. За жизнь. Им бы сдать, но походу бояться.

В наушниках скрипит связь, голос Деда: «Вепрь-3, «Вепрь-1». На вашем участке, квадрат «Ольха», сработали датчики движения. Идите, посмотрите. Осторожно, без вуха.

Мы — это я, Дед Маховиков за рычагами, и Женька, наш стрелок, на турели. Молодой, ему двадцать. Из Вологды. Мечтает стать пилотом. Говорит, после этой херни точно возьмут в лётное.

Выдвигаемся. Утро. Мороз такой, что дым от выхлопа стелется по земле, не поднимаясь. Лес — стена из серых стволов и белого снега. Датчики на броне пищат тихо, сканируя тепловые сигнатуры. На экране — пустота. Но Дед недоверчиво хмыкает.

И тут Женька орёт в общий канал: «Пехота! Слева, за бугорком! Трое! Бегут!»

Дед бросает «Варяга» вперёд. Разворачиваю башню, ловлю их в прицел. Не в своих костюмах, как первые. В наших же маскхалатах. В грязных, с тёмными пятнами. Снятых с наших же павших бойцов в первые дни. Бегут короткими перебежками, от дерева к дереву.

— «Вепрь-1», огонь! — кричит Дед. Я жму гашетку. Автоматическая пушка 30 мм отряхивает снег с деревьев, крошит стволы. Один падает. Двое исчезают.

— Не дай им уйти вглубь! — команда «Вепря-1». — Там уже корейцы копаются. Гоним их в лоб.

Мы лезем за ними. Гусеницы рвут мёрзлую землю. Вдруг — удар по корпусу! Что-то тяжёлое, глухое. Машину тряхнуло. — Гранатомёт! — орет Дед. — Женька, найди!

Женька палит из пулемёта длинными очередями. Я кручу башню, ищу. Вижу вспышку — из-за валуна в двухстах метрах. Ловлю в прицел, даю очередь. Валун крошится. Тишина.

Но это была приманка. Огонь открывают сразу с трёх сторон из тяжёлых крупнокалиберных винтовок. Бронебойные. Стекла прицела покрываются паутиной трещин. Один снаряд пробивает борт, рикошетит внутри, не задевая нас, но осыпая осколками пластика и металла. Женька кричит — осколок попал в руку. Дед мечется на месте, газует, даёт задний ход. Мы не танк, мы не можем просто давить. — «Вепрь-1», мы в дерьме! Нас зажали! Нужна помощь! — Держитесь, «Вепрь-3». «Тени» уже на подходе.

«Тени» — это кодовое для корейского спецназа, который работает в этом секторе.

Минута агонии. Снаряды бьют по корпусу, как кувалды. Внутри всё звенит. Дым, запах гари. Женька, стиснув зубы, продолжает отстреливаться одной рукой. Я пытаюсь хоть кого-то достать, но они умные, не показываются.

И вдруг — новый звук. Не гулкий удар, а тихое, частое «чак-чак-чак» снаружи. И крики. Не наши. Паника.

Высовываюсь в люк, рискуя получить пулю. Вижу: из леса, будто из-под земли, появляются серо-зелёные фигуры. Корейцы. Они не бегут. Они движутся короткими перебежками, но неотрывно, как волны. Стреляют короткими, точными очередями. Туда, где засели диверсанты.

Один из «Одиссея» выскакивает, пытаюсь отстреливаясь отойти. Кореец, не останавливаясь, снимает его одним выстрелом с колена. Как дерево срубил.

Бой затихает так же быстро, как и начался. Наступает тишина, нарушаемая только треском радио и тяжёлым дыханием в шлемофоне.

К нам подходит корейский офицер. Невысокий, сухой. Поднимает забрало. Лицо спокойное, как будто он вышел на прогулку. — Вы ранены? — спрашивает по-русски, с сильным акцентом. — Стрелок ранен, — хрипит Дед. — Машина повреждена. — Медик подойдёт. Здесь чисто. Мы идём дальше. — Он кивает и, не теряя темпа, уходит со своими людьми вглубь леса.

Через десять минут приезжает наш санбат, начинают перевязывать Женьку. Дед и я вылезаем, чтобы осмотреть машину. Борта исполосованы, датчики разбиты, но ходовая цела. Повезло.

Стоим, курим, трясутся руки. Женьку увозят. Дед молча смотрит на следы от пуль. — Артём, видал? — говорит он наконец. — Как они работают? Как часы.

Приходит команда: «Вепрь-3», ваш сектор зачищен. Возвращайтесь на точку «Дельта» для дозаправки и краткого отдыха.

Дед забирается в машину. Я остаюсь снаружи на минуту, докуриваю. Смотрю на лес. Тишина теперь кажется неестественной. Зловещей.

И тут я его вижу. Мелькнуло в ста метрах, между деревьями. Фигура в белом, припавшая к земле. Один из наемников, уцелел. Он ползёт. Не к нам. В сторону. Туда, где, по карте, должен быть тыловой склад ГСМ.

«Блядь, — думаю. — Самоубийца. Или очень упоротый».

Я не кричу. Не стреляю. Просто бросаю бычок, спокойно, чтобы не спугнуть, открываю люк и говорю Деду: — Дед, слева, в десяти часах, один ползёт. К складу. Дед молча кивает. Заводит двигатель. — Садись. Поработаем.

Мы, не спеша, чтобы не поднимать шум, начинаем движение, огибая позицию. У нас почти нет приборов, но Дед ведёт машину по памяти, как по шоссе. Мы выходим ему в тыл.

Диверсант смотрит вперёд, на свою цель. Мы останавливаемся в ста пятидесяти метрах. Я снова высовываюсь в люк, беру на прицел автомат с подствольником.

— Сдавайся! — кричу я. По-английски. «Surrender!»

Он замирает. Потом медленно поворачивается. Видит БМП. Видит меня. Его лицо под маской — глаза широко раскрыты, в них нет страха. Только пустота и решимость. Он резко дёргается, пытаюсь вскинуть винтовку.

Я стреляю. Одиночный выстрел из автомата. Пуля попадает ему в плечо, он роняет оружие, падает на спину. Не убит. Ранен.

— Всё, — говорю я Деду. — Обезврежен. — Иди, проверь, — говорит Дед. — Я прикрою.

Я спрыгиваю на снег, автомат на изготовку. Подхожу. Он лежит, хрипит, хватается за рану. Глаза смотрят на меня. Ненавидят. — Кончено, — говорю я. — Всё. — Never — выдыхает он. — This is only the beginning

И тут его свободная рука резко дёргается под маскхалат. Не за пистолет. За чеку. На поясе у него связка. Гранаты. И маленький, плоский детонатор.

Время замедляется. Я вижу его пальцы, сжимающие чеку. Вижу его улыбку, кривую, окровавленную. Я понимаю, что не успею отскочить. Не успею выстрелить.

Единственное, что успеваю — это развернуться корпусом к машине и крикнуть в рацию, в последний раз в жизни:

— ДЕД! ГАЗ! ОТ
(Запись обрывается)

Примечание из оперативного журнала группы «Вепрь»:

В 06:41 при задержании уцелевшего диверсанта в квадрате «Ольха» рядовой Артём Климов погиб, подорвавшись на противопехотной mine, приведённой в действие диверсантом. Остальные члены экипажа БМП-4М «Варяг» живы. Диверсант уничтожен. Тело рядового Климова доставлено в пункт сбора. Поле «Ольха» зачищено полностью. Группа «Вепрь» продолжает выполнение задачи.

В 07:15 данные о потерях загружены в общий ситуационный центр ВОП. В 07:20 они отобразились как безымянная цифра «-1» добавившись еще к таким же цифрам на экране у министра Стрелецкого и как строка в отчёте по эффективности для полковника Пака. Для Чжана Вэя эта цифра была автоматически конвертирована в поправочный коэффициент к логистическим расходам на обеспечение сектора.

Глава 8. Свидетиль

Место: Посёлок геологов «Полюс Холода», в 60 км от квадрата 34-Б. Время: День 3–4, сумерки. Перспектива: Антон Павлович Горский, 64 года, метеоролог, бывший капитан-артиллерист (в отставке).

(День 3, 18:47)

Ветер стих вчера ровно в полночь. Такого Антон не припоминал за все двадцать пять лет на станции. Тишина в тайге — понятие относительное: всегда есть скрип ветки под тяжестью снега, уханье филинов друг с другом, далёкий вой волка. Сейчас была именно та абсолютная, ватная тишина, что наступает в фильмах за секунду до взрыва.

Антон подкидывал дрова в печку, когда снова почувствовал тошнотворное давление в ушах — тот же провал, что и три ночи назад, когда спросони, он подумал, что у него скачет давление. Приборы в тот день зафиксировали аномальный спад, а потом — ничего. Ни всплеска радиации, ни сейсмических толчков. Просто воздух стал чуть тяжелее, а все звери в округе, как по команде, замолчали.

Он вышел на крыльцо, закуривая сигарету. Северный горизонт, обычно тонущий во тьме, отсвечивал странным, припудренным сиянием, будто от гигантского, скрытого за лесом светодиода. Не полярное сияние — то было рыхлое, живое. Это — чёткое, холодное, геометрическое. Как край огромного стекла, вставленного в небо.

«Объект», — прошептал он. Слухи из «Академграда» доходили и сюда, обрастая дикими подробностями. Антон отмахивался: очередная секретная байка Минобороны испытывает новую болванку. Но эта тишина... Этот свет... осевший в слоях, подсказывал: это не испытание. Это развёртывание войск.

Внезапно лес всколыхнулся. Не от ветра — от тяжёлого, низкочастотного гула, который шёл не сверху, а из-под земли. Антон бросил сигарету прислушался. Гул нарастал, превращаясь в серию приглушённых, но отчётливых хлопков. Не раскаты грома. Короткие, сухие, методичные. Выстрелы крупного калибра? Нет, что-то более мощное. Мины? Их звук был бы глуше.

Он знал этот звук. Бесшумные гранатомёты с дистанционным подрывом «Тишина» или «Канарейка». Оружие для тихой зачистки. Бесшумность достигается за счет отсечки пороховых газов внутри гильзы вышибного патрона. За счет чего выстрел не видно и не слышно.

Значит, там, у «объекта», не зря выставлялась охрана. Там идет бой. И воюют не на жизнь, а на смерть, раз применяют такое в глубоком тылу, это не просто калашом припугнуть нарушителя.

Антон вернулся внутрь. Руки сами потянулись к старой, но давно им модернизированной рации-сканеру, собранной ещё в девяностые для прослушки эфира браконьеров. Он покрутил ручку, прогоняя частоты. Обычный эфир «Академграда» молчал. Но в УКВ-диапазоне, на одной из забытых частот лесной охраны, он поймал обрывки. Английская речь, полная статистики и паники:

—...двигаются по координатам... потеряли Брауна... — Не вижу их! Чёрт, они в снегу! Всюду! — Команда на отход! Отходим!

И затем, новый голос заговорил с ними на одном языке на ломаном, но понятном, ледяной и без эмоций: — Солдаты удачи. Ваш контракт аннулирован. Бросьте оружие. Или останетесь здесь навсегда.»

Эфир захлебнулся шипением. Антон откинулся на стул. Может учения, масштабные, с союзниками по военной коалиции. Если это учения, то зачем эта титаническая, всепоглощающая тишина вокруг? Обычные учения так не скрывают.

Он не спал всю ночь, слушая тишину. Она была теперь полна смысла. В ней слышался скрежет гусениц где-то за три холма, редкие, точечные щелчки выстрелов, нарастающий и стихающий гул тяжёлой авиации где-то на границе стратосферы.

(День 4, 11:13)

На следующий день он поехал на снегоходе проверить удалённую метеостанцию у ручья Чёрного. Снегоход заглох в трёх километрах от избы. Старый карбюратор, ему было наплевать на проблемы и тревоги метеоролога. Антон ругнулся, слез со стального зверя немного размял ноги, взял рюкзак с инструментами и пошёл пешком.

Он нашёл их у подножия лиственницы, почти в сугробе. Двое. Одежда — не военная камуфляжная форма, а странные, облегающие чёрные комбинезоны, порванные в клочья, запорошенные снегом. Один сидел, прислонившись к дереву, с остекленевшими глазами, смотрящими в никуда. Второй лежал, зажав окровавленную ногу выше колена. Два шлема валялись рядом. Лица — бледные, с синевой, с характерной жестковатой чертой, не привыкших просить.

Лёгкий автомат странного вида валялся в стороне. Антон замер. Беглецы. Те самые «солдаты удачи». Значит точно не учения. Вот я и попал. — Подумал Антон.

Раненый услышал хруст снега, резко дёрнулся, пытаясь достать пистолет из-за пазухи. Рука дрожала от холода и шока. — Стой! — хрипло выдохнул он. — Не подходи!

Антон медленно поднял пустые руки. Он разглядел детали: качественная, видно, что военная, но не наша экипировка. Шрамы на лицах не от ножевых порезов, а легкие еле заметные от пластической хирургии. Глаза — уставшие, выгоревшие, но не потерявшие звериную осторожность. Наёмники. Догадался Антон. «Одисей» уже тридцать лет гремел по всему миру.

— Я не военный, — сказал Антон на английском, с сильным акцентом, изученным годами работы с зарубежными отчётами. — Я метеоролог. Помощь нужна?

Тот, что сидел, медленно повернул голову. Его взгляд был пуст. — Всё кончено, — пробормотал он. — Они... они везде. Гоняют нас без. Мы шли двое суток... по кругу.

Антон кивнул в сторону раненого: — Ногу надо перетянуть. Умрёшь от потери крови. Он, не дожидаясь ответа, снял рюкзак, достал аптечку и брезентовый тент. Раненый не сопротивлялся. Пока Антон накладывал жгут из ремня и бинтовал страшную рваную рану (точно от минного осколка), тот смотрел на него. — Зачем? — спросил наёмник. — Мы же... враги. — Вы — люди, которых в тайге, — отрезал Антон, концентрируясь на повязке. — Я видел таких в своё время. В горах. Разницы нет. Сначала выжить. Потом разбираться.

Он поделился с ними водой и плиткой шоколада. Спросил, сколько их было. — Двенадцать, в нашей группе, — коротко бросил раненый. — Остались мы. Остальных... забрали. Тихо. Как скот.

Антон посмотрел на север. Он понимал. Так действует не просто армия. Так действует механизм. Выжженная земля, информационный вакуум, точечное, хирургическое устранение. Это работало на уровне, недоступном простым войскам. Это пахло большой, очень большой государственной машиной, которая вдруг сняла все ограничения.

— Вам нужно на юг, — сказал он, достав карту. — До границы 200 километров. Не дойдёте. Слушайте. В тридцати километрах отсюда, по ручью, есть старая заимка охотников. Там печка, запас дров, консервы. Спрячьтесь там. Через пару дней, может, шум уляжется... или придут и заберут вас по-хорошему. Идите ночью. Не жгите костры.

Он дал им карту, спички, остатки еды. Он знал, что шансов у них почти нет. Что, скорее всего, их найдут или они замёрзнут. Но он не мог просто оставить их умирать.

Наёмники ушли, тот, что поживее тащил второго на волокушах. Антон смотрел им вслед, пока они не скрылись в чаще. Он чувствовал странную тяжесть — тяжесть человека, который увидел начало конца маленькой, частной войны и почувствовал дыхание войны большой, тотальной. Он постоял еще немного, развернулся и пошёл обратно к снегоходу нужно его еще отремонтировать чтобы вернуться домой.

(День 4, 16:40)

Когда он вернулся в посёлок, там уже царила тихая паника. Через «Полюс Холода», не останавливаясь, проследовала колонна. Но это были не привычные глазу «Уралы» ВС РФ. Это были угловатые, приземистые грузовики с решётчатыми бортами и камуфляжем нездешнего, болотно-зелёного оттенка. На борт одного из них была нанесена белая краской эмблема: переkreщенные молот и стрела. Никто не вышел, не задал вопросов. Они просто проехали, как призраки, оставляя за собой гул дизелей и ощущение ледяного сквозняка, пришедшего из другого мира.

Баба Нина с края посёлка, дрожащим голосом, сказала Антону: — Антоныч, это же... это же не наши? Кто это? Он посмотрел ей в глаза и сказал то, во что сам не до конца верил: — Союзники, Нина. Наши союзники. Значит, дело серьёзное.

Вечером он поймал в эфире последний обрывок. Уже знакомый ледяной голос, но теперь на чистом русском, обращался к кому-то: «— ...квадрат «Ольха» зачищен. Потери: один наш. Противник уничтожен. Передайте благодарность полковнику Паку от «Бурана-1». Его люди держали фронт как скала. Благодарность.»

Полковник Пак. Корейское имя. Значит, эмблема с молотом... Восточный Пакт. Теоретический союз. Он оказался не бумажкой. Он оказался железом и кровью.

Антон сел за стол, достал потрёпанный телефон. Он хотел написать сыну, который служил срочную где-то под Хабаровском. Хотел предупредить, наказать быть осторожным. Но слова не шли. Что он мог написать? «Сынок, тут началась тихая война. С кем и почему? С пришельцами? С американцами?» Его сочтут за сумасшедшего.

Вместо этого он набил одну строчку, короткую и страшную в своей простоте:

«Серёжа. Если станет совсем тихо — это самое страшное. Значит, готовятся к чему-то большому. Держись своих. Люблю Папа.»

Сигнала не было он залез на чердак и оставил телефон там. Если сигнал появится сообщение уйдет. Через пару дней проверю. — Сказал сам себе Антон.

Поздно ночью он снова вышел на крыльцо прикурил сигарету. Северное сияние-призрак погасло. Тишина вернулась, но теперь она была иной — тяжёлой, насыщенной, как воздух перед ударом шторма. Где-то там, в эпицентре этой тишины, висел чёрный тетраэдр. И вокруг него уже не просто солдаты и учёные. Вокруг него сколачивался новый мир. Жестокий, прагматичный, готовый на всё. Но живущие недалеко от всего этого люди пока еще ничего не знали.

Антон Горский, бывший капитан-артиллерист, а ныне метеоролог забытого посёлка, сделал глубокий вдох ледяного воздуха. Он не был героем. Он не был стратегом. Он был свидетелем. Он увидел первый день. Услышал первый выстрел. Понял первый намёк.

Он посмотрел на тёмное окно дома, где спала его внучка, приехавшая на каникулы. Ну что ж, — прошептал он в немую, внимающую тьму. — Что-то начинается. Только бы вы, дети, успели вырасти

И в ответ ему из тайги донёсся новый звук — не взрыв. Это был низкий, вибрационный гул, похожий на пробуждение гигантского трансформатора. Он шёл из-под земли и наполнял всё вокруг до краёв. Испытания у «объекта» вступали в новую фазу.

Антон пошёл внутрь, чтобы записать показания датчиков. Давление снова падало. Стремительно. Как перед цунами.

Глава 9. Майя Рендольф

Рейкьявик. Съёмная квартира с видом на промзону. 21:17.

На столе, заваленном проводами, жужжащими роутерами и пустыми банками энергетика, стояла только одна чистая вещь: матово-чёрный ноутбук. И рядом с ним — почти полная бутылка «Джек Дэниелс». Майя не пила из стакана. Она отпивала из бутылки.

На экране жили её демоны. Девять окон. Не тишина из фильмов про параноиков, а информационный шум, который она научилась читать, как энцефалограмму больного общества.

...Пятое окно — тихие, с камерами наблюдения за аэродромами Норвегии и Финляндии, купленными через цепочку подставных фирм. Они показывали ничего. И это «ничего» было самым тревожным: в такое время пустые ангары и неохраняемые взлётные полосы? Либо гениальная маскировка, либо беспомощность. Майя ставила на первое.

Шестое окно — её «кардиомонитор». Прямой поток данных с «Буревестника» — гибридного дрона-ретранслятора на жидком водороде, болтавшегося неделю на границе стратосферы над Баренцевым морем. Не картинка. Сырая лента: широта/долгота, частота, сила сигнала, спектрограмма. Майя давно отучилась слушать — она читала мёртвый эфир. Видела, как на частоте 5.8 ГГц — стандартной для военных БПЛА КСН — возникали пятисекундные всплески. Автоматические маячки «свой-чужой». Значит, там что-то летало. А потом, на частоте, забитой для глушения, ловила обрывки: «дельта-фактор отрицательный сеть «Троян» не отвечает». Голоса, с характерной усталостью в интонациях. ЧВК. Она узнавала их по тому, как они не просили о помощи, а констатировали факт провала, как бухгалтеры.

Седьмое и восьмое — потоки данных: биржевые тикеры, трафик новостных лент, активность ботов в соцсетях с привязкой к хештегам #Сибирь, #Учения, #НЛО. Она не читала статьи. Она смотрела на графики амплитуды вранья. Как взлетает кривая официальных заявлений, как падает — доверие. Математика цинизма.

Девятое окно было личным. Зашифрованный чат с ником «Вулкан». Её последний, самый ценный и самый опасный источник. Тот, что три дня назад прислал ей первую ниточку: сканы финансовых переводов с пометкой «Операция «Гиперборея» от офшорного счёта, принадлежащего, как она выяснила за шесть часов безумного копания, дочери сенатора от оборонного комитета.

«Вулкан» молчал уже сутки. Это плохо. Или очень плохо.

Майя потянулась за бутылкой, отпила. Тёплая, липкая с карамельным оттенком жидкость обожгла горло. Она не чувствовала опьянения. Алкоголь был лишь фоном, глушил мелкую дрожь в пальцах — ту, что появлялась после третьей бессонной ночи. Не страх. Предвкушение. Ощущение, что ты вот-вот наступишь на мину, но уже не можешь остановиться.

Они думают, что играют в геополитику, — мысленно усмехнулась она, глядя на экран с пустыми аэродромами. А на деле — обычный подлог. Приватизация войны. Как и всё в этом прогнившем мире. Сними красивый фасад — увидишь счёт в швейцарском банке и кучу трупов для отчётности.

Она не была наивной девушкой, верящей в силу пера. Её карьера разбилась пять лет назад о расследование про поставки некондиционных медикаментов в армию КСН. Статья была железной. Источники — надёжными. А потом источники «передумали», редакцию купил медиа-холдинг, связанный с тем же подрядчиком, а её вышвырнули с волчьим билетом «ненадёжного элемента». Она не плакала о справедливости. Она выучила урок: правда — не абстракция. Это компромат. А компромат — это валюта. Или оружие.

Планшет на краю стола завибрировал. Одно новое сообщение. От «Вулкана». Не текст. Файл. Огромный. С меткой «Конец игры».

Сердце не ёкнуло от восторга. Сжалось, как кулак. Она отпила ещё, налила немного виски на ладонь, растёрла по лицу. Холодно, резко. Проснись.

Файл оказался золотой жилой. Не просто сливы. Прямая трансляция с камер наблюдения в зале заседаний Пентагона. Да, были и такие каналы у «Вулкана». Она смотрела, как генерал Алдрич и человек в костюме от «Одиссея» торгуются, как на базаре. О сумме. О политическом прикрытии. О «приемлемых потерях».

— *Если они окажут сопротивление...* — говорил генерал. — *Тем лучше,* — отвечал костюм. — *Героическая гибель при контакте с враждебным внеземным объектом. Отличная история для медиа. Мы обеспечим красивые похороны и слёзы в прайм-тайм.*

Майя выключила звук. Ей стало физически плохо. Не от морального ужаса. От понимания того, что происходит. Это был тот же механизм, что уничтожил её карьеру, только в масштабах планеты. Та же ложь, те же подставные слёзы, те же деньги. Она закурила, не отрываясь от экрана. Рука дрожала уже не от усталости.

Она скопировала ключевой фрагмент. Не для правосудия. Для удара. Потом открыла ещё один файл от «Вулкана» — перехват радиопереговоров «Одиссея» в Сибири. Паника. Крик: «*Нас предали! Где поддержка?!*» Спокойный голос в эфире предлагающий сдаться.

Идеальный монтаж. Без комментариев. Просто два окна: в одном — генералы, продающие их смерти, в другом — эти смерти в реальном времени.

Майя запустила программу для монтажа. Её пальцы летали по клавиатуре, точность пьяного мастера. Она не думала о последствиях. Думала о резонансе. О том, как этот вирус взорвёт их аккуратный, вонючий мирок. В её голове звучал не голос совести, а ритм. Ритм разрушения.

Она нажала «Опубликовать». Во все её каналы. В тёмные блоги. На торренты. В автоматические рассылки на почты тысяч журналистов, которых она ненавидела почти так же сильно, как генералов. Алгоритмы «Вулкана» должны были разнести это, как оспу.

И только потом, когда дело было сделано, её накрыло. Пустота. Адреналин схлынул, оставив после себя ватную, звенящую усталость и трясучку. Она схватила бутылку, отпила глубоко, почти залпом. Питьё не принесло облегчения, лишь подчеркнуло горечь во рту.

Она подошла к окну. Рейкьявик внизу был тих и прекрасен. Чужой. Она чувствовала себя не Золушкой на балу, а сапёром, который только что обезвредил бомбу, привязанную к себе. Тикать перестало. Теперь просто ждать.

Первые комментарии пришли через четыре минуты. Не вопросы. Паника. Её почту завалило. Ещё через десять пришло официальное опровержение: «Фальшивка враждебные силы гуманитарная миссия». Она фыркнула, выдохнув дым на стекло. *Такие же дешёвые, как и вы сами.*

И тогда она поняла, что сделала. Она не выпустила правду на свободу. Она поместила тигра в клетку с дрессировщиком. Теперь они будут рвать друг друга. А она она была просто тем, кто открыл дверцу.

Сирены завывали неожиданно близко. Майя обернулась. Не полиция. Слишком быстро. Чёрные внедорожники без опознавательных знаков.

Она допила виски до дна, поставила пустую бутылку ровно в центр стола — последний аккорд. Быстро скопировала ключевые файлы на микро-флешку, спрятала её в потайной карман джинсов. Остальное — пусть горит.

Она не чувствовала героизма. Чувствовала страшную, ледяную ясность. Система, которую она ненавидела, сейчас придёт за ней. Но она успела всадить в неё нож. Глубоко под ребра. И проверить.

Раздался сокрушительный удар в дверь. Дерево треснуло. Майя Рендольф взяла свой поношенный рюкзак, накинула куртку. В последний раз оглядела свой цифровой склеп: мерцающие экраны, провода, пустую бутылку.

«Хоть не скучно», — подумала она с кривой, усталой усмешкой и открыла дверь, опередив следующий удар.

Её взяли не полицейские. Мужчины в штатском, с пустыми, профессиональными лицами. На них пахло деньгами и властью, а не правопорядком. — Мисс Рендольф. Вы нарушили — О, заткнитесь, — перебила она их, глядя прямо в глаза первому. Её голос был хриплым от сигарет и виски, но абсолютно твердый. — Вы же не за протоколом. Ведите. У меня, в отличие от вас, дела поважнее были.

Её увели. На столе, в пустой квартире, под мерцающим светом мониторов, стояла бутылка с черной этикеткой, как надгробный памятник поединку, в котором не было победителей. Только правда, превращённая в оружие, и оружие, выброшенное после одного выстрела.

Глава 10. Генерал Алдрч

Пентагон. Зал ситуационного анализа «Зеро». 08:17 по Вашингтонскому времени.

Генерал-лейтенант Томас «Том» Алдрч стоял перед огромным, во всю стену, экраном и чувствовал, как мир, который он знал и в котором был уверен, рассыпается на глазах, словно песчаный замок под напором прилива.

На экране, разделённом на секторы, бушевал хаос:

Сектор 1: Прямой эфир CNN. Кадры с дрона — заснеженный лес, ряд тел под брезентом. Лицо Майи Рендольф, её последняя речь, зацикленная и растиражированная уже каждым вторым каналом.

Сектор 2: Би-би-си. Специалист по международному праву что-то яростно доказывал, размахивая руками. Бегущая строка: «сенатор Макколл требует экстренных слушаний»

Сектор 3: Фондовые индексы. Линии, похожие на кардиограмму пациента после остановки сердца, падали вниз. Особенно выделялась акция «Odyssey Solutions» — минус 31%.

Сектор 4: Социальные сети. Визуализация трендов. Хештеги #SiberiaGate, #HyperboreaLies, #BringThemHomeNow ползли вверх, как лавина.

Сектор 5: Тактическая карта Сибири. На ней горели последние, уже безнадёжные метки. Рядом — плотные скопления меток ВОП. Они уже сомкнулись.

Группы «Сокол» молчали уже три часа. Последняя шифровка была обрывком паники: «окружены проходы нет они везде». Потом — тишина.

— Генерал, — тихий голос за спиной заставил его вздрогнуть. Это был полковник Шоу, его начальник штаба. Лицо Шоу было землистым. — Белый дом на линии три. Лично. Алдрч кивнул, сделал глубокий вдох, пытаясь собрать в кулак всю свою выдержку, весь свой сорокалетний опыт. Он подошёл к закреплённому на консоли телефону, нажал кнопку.

— Господин президент, — сказал он, и его голос, к его собственному удивлению, звучал ровно и твёрдо. — Слушаю вас. Голос в трубке был негромким, но каждое слово обжигало, как раскалённая игла. — Том, что, чёрт возьми, происходит? Я смотрю на это это цирковое шоу по всем каналам! Ты мне докладывал о безупречной операции! О минимальных рисках! А теперь у меня весь Капитолийский холм звонит в набат! Объясни. Сейчас. — Господин президент, — начал Алдрч, глядя в стену. — Операция «Гиперборея» столкнулась с непредвиденным уровнем сопротивления. Противник оказался лучше подготовлен. Мы — Непредвиденным? — президент перебил его. — Мне только что служба безопасности принесла запись, где наши с тобой люди, Том, обсуждают «окна» в ПВО и «компенсации семьям»! Это ты называешь непредвиденным? Это выглядит как заранее спланированное самоубийство! И почему, скажи на милость, на этих записях русские говорят о помощи корейцев? Корейцев, Том! В Сибири! Наша разведка давала об этом что-нибудь? У Алдрча похолодело в груди. Значит, утечка была не только внешней. Кто-то вынес материалы из самой святой святых. Из этого зала. — Разведка не располагала данными о развёртывании подразделений КНДР на территории РФ, господин президент. Это новый фактор. — Новый фактор? Это полный провал разведки! И твой провал, генерал! — В голосе президента зазвенела сталь. — Я сейчас выхожу к прессе. Мне нужно что-то сказать. Что ты предлагаешь? Алдрч закрыл глаза. Перед ним вставали все варианты, и каждый был хуже предыдущего. Признать провал? Потерять лицо и дать России и её союзникам триумф. Продолжать настаивать на версии «гуманитарной миссии»? Это уже не купят даже самые лояльные СМИ. Обвинить Россию в агрессии? Это могло спровоцировать полномасштабный конфликт, к которому КСН, как теперь выяснялось, был не готов.

— Господин президент, — медленно произнёс он. — Я предлагаю объявить о приостановке операции для расследования инцидента. Заявить, что мы стали жертвой дезинформации и провокации. И потребовать международного расследования под эгидой ООН. В трубке

повисла пауза. — То есть ты предлагаешь отступить. Признать, что мы лажанулись. — Я предлагаю сохранить силы и лицо, господин президент. Ситуация на земле уже необратима. Наша группа уничтожена или захвачена. Продолжать настаивать — значит выглядеть ещё более глупо. А международное расследование его можно затягивать годами. За это время мы перегруппируемся, поймём, с чем имеем дело. — А объект? Этот «Артефакт»? — Он остаётся на территории России. Но если он действительно представляет угрозу, он будет угрожать и Русским в первую очередь. Пусть разбираются сами. А мы будем наблюдать. И готовиться. Ещё одна долгая пауза. — Хорошо, — наконец сказал президент. Звучало это так, будто он проглотил стекло. — Готовьте заявление. Я выхожу через час. Но, Том — голос понизился до опасного шёпота, — твоя отставка уже лежит у меня в столе. Как только этот пожар хоть немного утихнет, ты её подпишешь. Понятно? — Понятно, господин президент. — И найдите эту суку, Рендольф. Найдите и заставьте замолчать. Навсегда. Связь прервалась.

Алдрич медленно положил трубку. Рука дрожала. Он повернулся к своему штабу. Десяток офицеров застыли, глядя на него. В их глазах он читал то же самое: страх, растерянность, вопрос «Что теперь?».

— Вы слышали, — хрипло сказал Алдрич. — Готовим заявление о приостановке операции и требование расследования. Все активы в регионе — к отходу. Немедленно. — Генерал, а группы ЧВК — спросил молодой майор, офицер связи. — Их больше нет, — отрезал Алдрич. — Спишите. В зале воцарилась гробовая тишина.

Алдрич подошёл к консоли, взял свою личную кружку с логотипом морской пехоты, задумался, а затем швырнул её об пол. Фарфор разлетелся на тысячи осколков. — Чёрт! — вырвалось у него. — Чёрт, чёрт, чёрт! Он опустил голову. Провал был тотальным. Они проиграли не потому, что русские были сильнее. Они проиграли потому, что их переиграли. Русские знали об их планах. Значит, была утечка. Или их взломали. Или и то, и другое. А корейцы как они умудрились перебросить целый корпус так быстро и не заметно?

«Мы считали их отсталыми, — с горечью подумал Алдрич. — Мы считали, что наше технологическое превосходство решит всё. А они просто выключили нам свет. И подставили подножку. Как школьникам.»

— Генерал, — снова позвал его Шоу. — Поступили сводки с тихоокеанского флота. Китайские корабли они резко изменили курс. Идут на сближение с нашими группами у Тайваня. И российские бомбардировщики с дозаправкой в воздухе поднялись с аэродромов на Чукотке. Это демонстрация силы. — Ответ на нашу демонстрацию, которую они только что разгромили, — мрачно констатировал Алдрич. — Они показывают, что могут ударить в любом месте. И что они действуют сообща. Всё по классике. Теперь наша очередь отступить, чтобы не спровоцировать эскалацию. Он почувствовал страшную усталость. Всю жизнь он верил в силу Америки, в её исключительность, в её право диктовать правила. А сейчас ему показалось, что он стоит на палубе тонущего корабля, а вокруг — холодные, равнодушные волны нового мира, который его страна больше не контролирует.

— Отдать приказ всем группам, — сказал он, не оборачиваясь. — Отход на исходные позиции. Повысить уровень готовности, но не предпринимать провокационных действий. И подготовьте для меня доклад. Полный анализ. Почему мы проиграли. Какие у них возможности. И что нам теперь делать. — Слушаюсь, генерал.

Алдрич вышел из зала в свой кабинет. Он сел за стол, уставился на фотографию на столе: он молодой лейтенант, только что вернувшийся из первой командировки, полный надежд и уверенности. Казалось, это было в другой жизни.

Он достал из ящика шкафа фляжку с виски, налил в стакан, выпил залпом. Огонь распространился по груди, но не смог прогнать холод.

Его планшет завибрировал. Пришло новое сообщение от Чжан Вэя. Личное, через зашифрованный канал, который они использовали раз в год на закрытых совещаниях по контролю над вооружениями. Сообщение было коротким:

«Генерал Алдрич. Ваши поспешные действия поставили под угрозу стабильность. Объект теперь под нашей совместной защитой. Любые дальнейшие попытки будут стоить дороже. Советуем заняться внутренними проблемами. У вас их, судя по новостям, предостаточно. — Ч.В.»

Алдрич сжал планшет так, что треснуло стекло. Это было не предупреждение. Это было пренебрежение. Холодное, спокойное пренебрежение победителя к поверженному. Китаец даже не угрожал. Он констатировал факт.

Он бросил планшет на стол, снова налил виски. Телевизор на стене, настроенный на новостной канал, показывал, как президент выходит к микрофонам. Его лицо было собрано, но в глазах читалась пустота.

«Граждане Америки, граждане мира сегодня произошла трагическая ошибка»

Алдрич выключил звук. Он уже знал, что будет дальше. Оправдания. Ссылки на ложные разведданные. Обещания расследования. Отставки. Его отставка.

Он посмотрел в окно. Вашингтон за окном был спокоен. Но Алдрич знал — эта спокойная картинка уже треснула. Видео Майи Рендольф было не просто разоблачением. Это был симптом. Симптом болезни, которая гноила систему изнутри: высокомерие, лжи, веры в свою неуязвимость. А русские, китайцы и корейцы просто дали ей вырваться наружу.

Он допил виски. В голове крутилась только одна мысль, чудовищная и неотвратимая: «А что, если этот объект в Сибири — действительно нечто важное? Что, если мы только что добровольно уступили им ключ к следующему этапу эволюции? И что, если мы уже никогда не сможем его вернуть?»

Генерал Томас Алдрич опустил голову на руки. Впервые за много лет он чувствовал себя не защитником великой державы, а старым, усталым человеком, который проиграл будущее. И это будущее было теперь там, в сибирской тайге, под охраной тех, кого он так недооценил.

Глава 11. Алина: Просветление

Сначала было ничто. Абсолютное, ватное ничто. Потом — свет. Резкий, белый, режущий глаза даже через закрытые веки. И голоса. Глухие, будто из-под воды.

...Кадры сменялись. Алина видела не схемы, а потоки абстрактных символов, сливающихся с фоновым излучением планеты. Она видела, как ИИ «Ковчега-1», как садовник, сажает «семена» — пакеты данных, замаскированные под флуктуации космических лучей или радиовсплески. Каждое «семя» было ключом к фундаментальному закону.

Затем — монтаж человеческой истории. Кадры архивной хроники: Эйнштейн задумчиво смотрит в окно; группа физиков в Лос-Аламосе спорит у доски, полной формул; изобретатель в лаборатории внезапно замирает, уставившись на кристалл германия.

«Метод: индукция через резонанс паттернов мышления. Эффективность: 3,7%. Большинство импринтов утрачено или интерпретировано неверно. Критический пакет данных #7-Г («Принцип гравитационной нестабильности») не подтверждён к получению. Предполагается утрата. Требуется прямой доступ к ядру для полной передачи.»

Алина выдохнула. Вот почему Тунгусский «гость» так важен. Он не просто подтолкнул науку. Он встроил в её ДНК часть чужого знания, но в разорванном, бессвязном виде. Как если бы дать Шекспиру алфавит, но не словарь и не грамматику. Мы получили буквы и складывали их в свои слова, даже не подозревая, что существует готовый, куда более мощный язык.

— Он не дал нам технологий, — прошептала она. — Он дал нам... намёки. А самые важные намёки мы, возможно, так и не поняли. Они до сих пор в нём. В том, первом. Нам нужно его найти. Для восстановления инструкции.

— пульс стабилизировался нейронная активность зашкаливает нужен седативный? — Ни в коем случае. Она должна прийти в себя естественно. Смотрите на энцефалограф — это не судороги, это когнитивная буря.

Алина попыталась пошевелиться. Тело не слушалось, будто её залили свинцом. Она сфокусировалась на голосах. Мужской, с русской, слегка сибирской тягучестью — вероятно, доктор. И женский, чёткий, с едва уловимым пекинским акцентом — китайка. Значит, её уже доставили куда-то серьёзное. Не в полевой госпиталь.

Она заставила себя открыть глаза. И немедленно пожалела. Свет действительно был ослепительным. Но через несколько секунд зрачки адаптировались, и она увидела белый потолок модуля с вмонтированными светильниками. Повернула голову — больно, но терпимо. Она лежала на койке в небольшом, но высокотехнологичном медицинском отсеке. Вокруг — мониторы, капельница, датчики на её груди и висках. И двое людей в белых халатах поверх военного камуфляжа.

— Доброе утро, доктор Космодемьянская, — сказала женщина-врач, подходя ближе. — А если точнее — добрый вечер. Вы в бессознательном состоянии пробыли восемнадцать часов. — Восем блядь, — голос Алины прозвучал как скрип ржавой двери. — Что что со мной? — Кратковременный когнитивный шок от перегрузки нейроинтерфейса, — ответил мужчина, изучая графики на планшете. — Ваш мозг получил ну, как если бы попытаться влить океан в чайную чашку. Чашка, к счастью, не треснула. Но переполнилась изрядно. — «Океан» — Алина приподнялась на локтях, игнорируя протестующее головокружение. В памяти всплывали обрывки: луч света, взрыв образов, схем, карт и тот сломанный тетраэдр во льду. — Второй Он сказал, что он второй. Первый был в Тунгуске. Они связаны. Врачи переглянулись. — Она уже говорит об этом, — заметил мужчина. — Говорит, — кивнула китайка. — И, судя по предварительному сканированию её имплантов, у неё в голове сейчас находится примерно полтерабайта структурированной, но абсолютно чуждой информации. Как она умудрилась её считать — Потому что я не дура! — огрызнулась Алина, с трудом садясь. — Я десятилетия

готовила нейросеть к приёму нестандартных данных! Просто не думала, что они будут такими объёмными. Где я? — Подземный исследовательский комплекс «Обсерватория», — ответила женщина. — В двух километрах от объекта «Подарок». Вас доставили сюда, как только стабилизировали. Приказ лично министра Стрелецкого. — Михальч — Алина хмыкнула. — Значит, испугался, что его главная учёная ведьма померла. Где мои вещи? Мой шлем? Сканер? — Всё здесь, — указал мужчина на стол в углу. — Но, доктор, вам нужен отдых. Ваши мозговые волны — Мои мозговые волны — моё личное дело! — Алина сорвала с себя датчики, игнорируя писк мониторов. — У меня в голове инструкция по сборке гравитационного движка, а вы мне про волны! Давайте мои вещи. Сейчас.

Врачи, видя, что аргументы бессмысленны, уступили. Через пять минут Алина, всё ещё шатаясь, сидела за столом, подключив свой потрепанный нейрошлем к мощной рабочей станции «Обсерватории». Её пальцы летали по клавиатуре, вытаскивая из кэша имплантов фрагменты данных, сброшенные ей «Ковчегом-2».

На огромном экране перед ней загорались странные, неевклидовы схемы, уравнения, написанные на языке, который был похож на математику, но со странными операторами. И голограммы. Много голограмм.

— Что это? — спросила китаянка-врач, которая, похоже, тоже была не прочь посмотреть. Её звали доктор Ли, как выяснилось. — Это библиотека, — прошептала Алина, увеличивая один из образов. — Техническая библиотека. Принципы манипуляции локальным пространством-временем. Материалы о боже, они не создают материалы. Они программируют материю на квантовом уровне, задавая ей свойства. Это как если бы у тебя был конструктор, где ты можешь собрать что угодно — от ложки до звездолёта — из одних и тех же атомов, просто меняя их «код». — Возможно ли это? — усомнился русский врач, Игорь. — Для них — возможно. Для нас — Алина запустила симуляцию одного из уравнений. Компьютер «Обсерватории», один из мощнейших в России, застонал, пытаясь просчитать. — Для нас это как объяснять теорию относительности неандертальцу. Но у нас есть преимущество. — Какое? — У нас есть первый Ковчег. Тот, что в Тунгуске. Он пытался нас «подтянуть». Сто лет подталкивал нашу науку в нужном направлении. Без него мы бы сейчас смотрели на эти схемы, как обезьяна на интегралы. А так так у нас есть база. Плохая, кривая, но база. Мы можем понять. По крайней мере, я могу.

Она углубилась в данные, отключив всё внешнее. Время перестало существовать. Она выщипывала из памяти фрагменты, сопоставляла, строила гипотезы. Доктора Ли и Игорь сначала наблюдали, потом стали помогать — приносили кофе (который она выпивала залпом), еду (которую она игнорировала), подключали дополнительные вычислительные мощности.

Через несколько часов в модуль вошёл сам Сергей Михайлович. Он выглядел усталым, но собранным. Увидев Алину за мониторами, с горящими лихорадочным блеском глазами и торчащими во все стороны волосами, он хмыкнул.

— Ну что, барышня, ожили? Не собираетесь нас тут в кварк-глюонную плазму разобрать? — Сергей Михайлович! — Алина обернулась, не отрываясь от экрана. — Вы как раз вовремя. Я кое-что нашла. Вернее, не «что», а «зачем». — Зачем он прилетел? — Нет. Зачем они его послали, — Алина переключила экран. На нём появилась звездная карта. Одна точка мигала жёлтым — Солнечная система. От неё тянулся пунктир к другой точке, далёкой-далёкой. А оттуда к третьей, помеченной кроваво-красным символом, похожим на раскрытую пасть, шёл сплошной, расширяющийся клин. — Это что, маршрут? — спросил Стрелецкий, подходя ближе. — Это история, — сказала Алина. Её голос вдруг потерял всю свою привычную истеричность и стал холодным, как космический вакуум. — «Ковчег-2» был не просто исследовательским зондом. Он был последним курьером. От цивилизации, которую мы бы назвали «Создателями». Они их мир был здесь, — она ткнула пальцем в дальнюю точку, откуда шёл пунктир. — Они столкнулись с этим, — палец переместился на красный символ. — Они про-

играли. Но перед тем как их поглотили, они запустили тысячи таких «Ковчегов». С одним сообщением и одним инструментом. — Каким сообщением? — «Бегите. Или готовьтесь. У вас мало времени». В модуле воцарилась тишина. Даже гул вентиляции казался громким. — Что это за красная штука? — тихо спросил Михалыч. — Архив называет их «Пожиратели». Цивилизация-экспандер. Они не ведут переговоров. Они находят обитаемые миры, оценивают уровень угрозы, и если он превышает некий порог они уничтожают. Чтобы очистить место. «Подарок» — это не подарок. Это тест. И оружие. Чтобы те, кто его найдёт, смогли дать отпор. Или убежать. — И сколько у нас времени? — голос Стрелецкого был ровным, но Алина заметила, как побелели его костяшки на руках, сжимавших спинку стула. Алина вызвала на экран ещё один фрагмент — строку странных символов и рядом её собственную, грубую расшифровку. — «Ковчег-2» вылетел давно. «Пожиратели» двигаются медленнее, но они уже в пути. Судя по расчётам скорости и дистанции — она обернулась, глядя ему прямо в глаза, — у нас есть от сорока до пятидесяти лет. Максимум.

Стрелецкий не дрогнул. Он просто стоял, впитывая информацию. Его лицо стало похоже на маску из того же гранита, что и его прозвище. — Пятьдесят лет, — повторил он. — На подготовку к войне со всей галактикой. — Не со всей, — поправила Алина. — С одной, конкретной, очень голодной галактической саранчой. Которая, судя по тактическим записям в архиве, уже сожрала «Создателей» и ещё с десяток миров. И идёт дальше. — Отлично. Просто отлично, — Михалыч провёл рукой по лицу. — Ну что ж Значит, воевать будем. Доктор Космодемьянская, вы только что стали самым ценным человеком на планете. Вы и то, что у вас в голове. Ваша задача — вытащить оттуда всё. Каждый чих, каждую запятую. И найти, как это можно превратить в оружие. В щит. Во что угодно. Вы поняли? — Поняла, — кивнула Алина. В её глазах снова вспыхнул тот же огонь, что был при контакте с объектом. — Но мне нужны люди. Лучшие физики, программисты, инженеры. Со всего ВОП. И доступ к «Ковчегу-1». К тунгусскому. Там могут быть ключи, которых нет здесь. — Будет сделано. Доктор Ли, — он повернулся к китайке, — вы отвечаете за её здоровье. Она должна работать. Но если увидите, что она падает в обморок — колете снотворное и тащите в койку. Понятно? — Так точно, — кивнула доктор Ли.

Стрелецкий вышел, оставив в модуле тяжёлую, звенящую тишину. Алина снова обернулась к экрану. К красной метке «Пожирателей». Пятьдесят лет. По меркам Вселенной — мгновение. По меркам человечества — срок, за который можно либо подняться к звёздам, либо кануть в небытие.

— Ну что ж, — прошептала она, её пальцы снова залетали по клавиатуре. — Приступим. Сначала разберёмся с этой вашей гравитационной «рябью». Потом придумаем, как ей этой саранче по зубам дать.

Доктор Ли молча принесла ей ещё одну чашку кофе. На этот раз очень крепкого. Бой только начинался. Но теперь он шёл не за клочок сибирской тайги. Он шёл за право человечества на существование.

Глава 12. Запредельная частота

день 6

Сторожка у ручья Чёрного.

Сторожка была не домом. Она была укрытием. С гнилыми досками, пропахшими мышами, смолой и столетним холодом. И двумя едва живыми людьми внутри.

Раненый в ногу, лежал на самодельных носилках, сдвинутых с нар. Его звали Карло. Итальянец, бывший карабинер, потом — солдат удачи в Ливии, Сирии, Судане. Теперь — кусок мяса с трясущимися от боли и лихорадки руками. Его товарищ, Маркус — немец, сухопарый, с лицом, высеченным из гранита, — сидел у крошечного оконца, в которое вместо стекла была вставлена потрескавшаяся полиэтиленовая плёнка. В руках он сжимал свой пистолет — «Глок-19». Последний магазин. Двенадцать патронов.

Их спальный мешок, растянутый на обоих, не спасал от промозглой сырости, пробиравшейся сквозь щели. Печка, сложенная из камней, дымила жалко, сжигая последние щепки, что Маркус наскрёб под стеной. Еды почти не осталось — пачка сухарей, полкотелка замерзшей тушёнки, найденную здесь же. Воды — растопленный снег.

— Кончается, — хрипло проговорил Карло, не открывая глаз. — Контракт. Жизнь. Всё. Просто... кончается.

— Заткнись, — беззлобно бросил Маркус. Он смотрел в серую мглу за окном. Лес стоял неподвижный, безмолвный, подавляющий. Тишина была не природной, а наведённой. Как после бомбёжки. — Старик дал карту. Сказал, тут можно отсидеться.

— Старик... метеоролог, — Карло выдавил кривую усмешку. — А мы... элита. Лучшие из лучших. И нас спасает старик с потрёпанной картой. Ирония, блядь.

Маркус молчал. Он думал не об иронии. Он думал о звуках. Вернее, об их отсутствии. Ни птиц, ни ветра. Только этот далёкий, подземный гул, что начался прошлой ночью и с тех пор не стихал. Как работа гигантского сердца где-то глубоко под землёй. Объект. Он был где-то рядом. И он делал что-то. И от этого чего-то по коже ползли мурашки.

— Слышишь? — внезапно сел Карло, вцепившись в край носилок. Маркус насторожился. Не гул. Другой звук. Еле слышный, приглушённый снегом. Хруст. Один. Потом другой. Методичный. Не звериный. Человеческий.

Он рванулся к окну, прильнул к плёнке. Сначала ничего. Белое на белом. Снег, деревья. Потом — движение. Тень между стволами. Ещё одна. Тёмно-зелёные, почти чёрные силуэты. Двигались не спеша, с интервалами, прикрывая друг друга. Профессионально.

— Кто? — прошипел Карло, пытаясь приподняться. — Не наши, — коротко бросил Маркус. Сердце у него ушло в пятки. Это были не русские. Форма другая. Корейцы. Наверное корейцы, в эфире говорили перед тем, как связь умерла.

Их было пятеро. Они вышли на опушку перед сторожкой и замерли, рассредоточившись. Один, похожий на командира, поднял руку. Все застыли. Он что-то сказал в рацию, но Маркус не разобрал слов.

Потом командир сделал два шага вперёд, к самой сторожке. Он не кричал. Он говорил ровным, без акцента, но чуждым английским:

— Люди в сторожке. Вы окружены. Ваше сопротивление бессмысленно. Бросьте оружие. Выходите с поднятыми руками. Вам будет оказана медицинская помощь. Это последнее предложение.

Голос был лишён угрозы. Он был лишён вообще всего. Как голос автоинформатора.

Маркус перевел дух. Он посмотрел на Карло. Тот смотрел на него широко раскрытыми глазами. В них не было страха. Была пустота. И понимание.

— Они... они не возьмут нас в плен, Марк, — прошептал итальянец. — Ты слышал, что они делали с другими?

— У нас есть выбор? — хрипло спросил Маркус. — У нас никогда не было выбора, — покачал головой Карло. — Мы его продали, когда подписали контракт. А теперь платим. Натурой.

Снаружи повторили предложение. Тот же голос. Тот же тон.

Маркус взвесил «Глок» в руке. Двенадцать патронов. Против пятерых профессионалов, у которых наверняка автоматы, гранаты, связь. Шансов — ноль. Но сдаться... сдаться этой машине...

Он вспомнил лицо того русского старика, метеоролога. Усталое, спокойное. Человеческое. Тот дал им шанс. Жалкий, ничтожный, но шанс. Эти... эти не давали шанса.

— Нет, — тихо сказал он. Не Карло. Самому себе.

Он встал во весь рост, отойдя от окна, и крикнул в закрытую дверь, на ломаном, но громком русском, вспоминая обрывки из прошлых командировок: — Идите на хуй! Поняли?! На хуй!

Тишина снаружи. Потом — короткая, чёткая команда на корейском. И всё завертелось.

Первый выстрел был не из сторожки. Он пришёл сбоку. Снайпер. Пуля прошла гнилую стену в сантиметре от головы Маркуса и вырвала клоч пакли с противоположной стороны. Маркус отпрыгнул, упал на пол, сделал два беспорядочных выстрела в сторону окна. Стекло (вернее, плёнка) взорвалось. Ответный огонь пришёл сразу с двух сторон. Короткими очередями, контролируемые очередями по два-три выстрела. Пули впивались в стены, выбивая куски трухлявой древесины. Сторожка превратилась в решето за секунды.

Карло, стиснув зубы от боли, приподнялся и из своего «Беретты» выпустил весь магазин в дверь. Дерево раскололось. На мгновение стрельба стихла.

Эту паузу использовали. Не для прорыва. Они просто сменили позицию. Маркус услышал лёгкий шипящий звук и увидел, как в проломленную дверь вкатился небольшой цилиндр. Граната. Но не осколочная. Светошумовая.

Он зажмурился, отвернулся, но было поздно. Ослепительная вспышка и оглушительный хлопок вышибли из него всё сознание. Он на секунду погрузился в белый, звенящий вакуум.

Когда зрение вернулось, он увидел, как дверь отлетает от сильного удара, и в проёме появляется первый темный силуэт. Низкий, собранный, в шлеме с опущенным забралом. Его автомат (Маркус смутно узнал конструкцию — что-то на базе АК, но модернизированное) был направлен прямо на него.

Маркус попытался вскинуть уже пустой «Глок». Его рука двигалась мучительно медленно, как в тяжёлом сне. Кореец не стал ждать. Одна короткая очередь. Три пули в грудь.

Маркус не почувствовал боли. Только сильный толчок и стремительное погружение в темноту. Последнее, что он увидел, — как второй кореец, перешагнув через его тело, двумя точными выстрелами добивает Карло, который даже не успел вскрикнуть.

Бой длился сорок семь секунд. Снаружи командир патруля, не принимавший участия в штурме, посмотрел на часы, сделал пометку в планшете. Потом отдал приказ. Двое солдат вошли в сторожку, быстро обыскали тела, забрали оружие, документы, карту, которую дал Антон. Вынесли наружу.

— Все ликвидированы, товарищ сержант, — доложил один. — Подтверждаю. Двое. Один тяжелораненый, второй — лёгкий огнестрельное, — добавил второй, тот, что стрелял в Маркуса. — Потери? — Нулевые. — Хорошо. Установите заряды. Уничтожьте строение. Не оставлять следов. — Есть.

Солдаты заложили в углы сторожки небольшие пластиковые заряды. Отошли. Сержант дал сигнал. Глухой, приглушённый взрыв — не громкий, но плотный — сложил ветхое строе-

ние внутрь себя, как карточный домик. Бревна хрустнули, крыша осела. Через минуту на месте сторожки лежала бесформенная груда обломков, быстро покрываемая свежим снегом.

Патруль собрался, проверил снаряжение. Сержант вышел на связь. — «Скала-1», здесь патруль «Тень-4». Задание в квадрате «Чёрный ручей» выполнено. Диверсанты ликвидированы. Укрытие уничтожено. Возвращаемся на базу. Потерь нет. В наушниках раздался короткий, подтверждающий щелчок. Никаких слов.

Они развернулись и ушли в лес тем же беззвучным, механическим шагом, каким пришли. Через пятнадцать минут от их присутствия не осталось ничего, кроме аккуратных следов на снегу, которые скоро замело.

А в полутора километрах от этого места, в своей избушке, Антон Горский, слушая в наушниках эфир, поймал короткую, зашифрованную перебивку. Он не понял слов, но понял тон. Без эмоциональный, отчётливый тон завершённой работы. Он медленно снял наушники, посмотрел в сторону ручья Чёрного. Ни вспышек, ни звуков выстрелов он не видел и не слышал. Только тот же, всё нарастающий гул из-под земли.

Он тяжело вздохнул, подошёл к столу, вычеркнул из своего полевого журнала карандашный пометку: «Двое, ручей Чёрный. Направлены к заимке. Шансы низкие.»

Рядом он написал другое, тоже карандашом, но с сильным нажимом: «Шансов не было. Совсем.»

Потом закрыл журнал, зажёл новую сигарету и уставился в темноту за окном. Счётчик где-то в невидимом штабе щёлкнул, добавив две единицы к колонке «нейтрализовано». Для полковника Пака это была строка в отчёте об эффективности. Для Чжана Вэя — микроскопическая коррекция в логистической модели. Для мира, который ещё спал в неведении, — ничего.

Глава 13. Совещание в ставке

Подземный центр «Обсерватория» был похож не на кабинет министров, а на главный пост управления масштабной инженерной катастрофой. Воздух гудел от низкочастотного гудения серверов и был стерильно-холодным. В центре зала вместо голограммы Земли висел чёрный тетраэдр «Ковчега-2», испещрённый светящимися слоями данных, и рядом с ним — схематичная звёздная карта с тусклой красной точкой, ползущей по вектору к Солнечной системе.

Сергей Михайлович Стрелецкий стоял у пульта, его взгляд скользил не по лицам, а по цифрам на табло: запас ресурсов, готовность сил, потери. Справа, на экране, Чжан Вэй изучал свой терминал. Полковник Пак Чоль сидел с планшетом, его поза была безупречно прямой. Алина Космодемьянская, подключённая к системе кабелем, смотрела на центральную голограмму так, будто пыталась силой воли разгадать её последний секрет.

— Начнём с диагноза, — голос Михалыча прозвучал без преамбул. — Доктор Космодемьянская. Угроза. Только факты, которые влияют на стратегию.

Алина щёлкнула пальцем по планшету. На голограмме всплыла трёхмерная схема. — Объект, условно «Ковчег-2». Не корабль в привычном смысле. Это автономный разведчик-передатчик. Его цель — найти потенциальных союзников в борьбе с цивилизацией-агрессором, условно «Пожиратели». Всё его содержимое — не готовое оружие. Это библиотека физических принципов. Ключевой принцип — управление локальной гравитацией через матрицу на основе квантовой запутанности.

Она вызвала новую схему — сложную решётку из силовых линий. — Технология позволяет создавать стабильные гравитационные коридоры. «Небесный Мост» — не метафора. Это инженерный проект. Кольцевая структура, создающая постоянный восходящий поток. Эффективность вывода грузов на низкую орбиту — рост в 3000% по сравнению с ракетными методами. Стоимость — падение на 95%. Без этого моста мобилизация ресурсов Луны и астероидов невозможна.

— Сроки постройки, — отчеканил Чжан Вэй с экрана. — Двадцать лет, — сказала Алина и, увидев, как сжимаются челюсти у Михалыча, поспешила добавить. — Но. «Ковчег-2» также передал данные по материалам. Мы можем синтезировать композит на основе его обшивки. Прочность выше нашего титана в 80 раз при вдвое меньшем весе. С этим материалом сроки падают. Если дать приоритет всем ресурсам первый испытательный подъём через два года. Полноценный рабочий цикл — пять-семь.

— Переходим к угрозе, — Михалыч жестом остановил возможные вопросы. — Тактические параметры «Пожирателей».

Алина переключила картинку. На звёздной карте красная точка превратилась в схему флота: несколько крупных объектов-маток и рой меньших аппаратов. — По данным архива, их тактика стандартна. Они не ведут манёвренных боёв. Они навязывают свои правила. Флот образует сферическое построение — «Кокон». Внутри него создаётся стабильное гравитационное поле, которое гасит любую внешнюю кинетическую энергию. После этого запускаются терраформеры — нанороботы, которые разбирают планету на атомы за несколько месяцев. Их слабость — само построение. Для поддержания «Кокона» нужна абсолютная стабильность гравитационного фона. Нарушь стабильность — строй рухнет.

— Как нарушить? — спросил Пак Чоль. — Гравитационным резонансом, — ответила Алина. — Если мы создадим серию контролируемых гравитационных возмущений на нужной частоте — это вызовет каскадный сбой. Проект «Вихрь». Для его работы нужна энергия, сравнимая с одновременным подрывом десятка термоядерных зарядов в магнитосфере.

— Стратегия обороны, — Михалыч повернулся к остальным. — Исходные данные: 47 лет. Враг применяет тактику «Кокона». У нас есть технология для создания гравитационного

оружия и строительства орбитальной инфраструктуры. Задача — создать систему, способную нанести неприемлемый ущерб. Чжан Вэй, логистический каркас.

На экране Чжан Вэй показал серию графиков. — План «Жатва времени». Он делится на пятилетки. Первая пятилетка: полная переориентация промышленности ВОП. Приоритет 1: производство композитных материалов. Приоритет 2: строительство «Небесного Моста». Приоритет 3: развёртывание автоматических добывающих комплексов на Луне. Все проекты, не связанные с выживанием, замораживаются. КПД экономики должен вырасти на 400% за пять лет. Это потребует перевода на военное положение и централизованного распределения всех ресурсов.

— Полковник Пак, человеческий ресурс и военное применение, — продолжил Михалыч. Пак Чоль поднял планшет. — На основе технологии можно создать два класса вооружений. «Щит»: орбитальные крепости на основе лунных ресурсов с гравитационными генераторами для отклонения атак. И «Копьё»: малые, быстрые корабли-камикадзе, использующие гравитационный импульс для разгона. Их тактика — роевые атаки, таран, доставка боевых частей «Вихря». КНДР готово предоставить первый эшелон добровольцев для программы «Копьё» — 50 000 человек.

— Я... мне нужно больше учёных, — вмешалась Алина. — И доступ ко всем архивам, связанным с Тунгусской аномалией. И к самому месту.

Михалыч кивнул, но Чжан Вэй с экрана поднял руку, привлекая внимание. — Позвольте уточнить. Доктор Космодемьянская, вы только что представили нам работающие принципы от второго «Ковчега». Зачем нам тратить время и ресурсы на столетние обломки? Риск раскопок и дестабилизации аномалии может перевесить потенциальную пользу.

Алина метнула взгляд на свои экраны, затем на Чжана Вэя. — «Ковчег-2» — это архив. Идеальная, но безличная библиотека. В ней есть уравнения и принципы. Но нет контекста их создания. Нет тупиковых ветвей, ошибок, странных озарений, которые привели к открытию. Это как получить готовый двигатель без инженерного журнала испытаний. Мы можем его скопировать, но не понять, почему он не взорвётся при десятикратной нагрузке. А для проекта «Вихрь» это критично. Ошибка — и мы сами разорвём магнитосферу.

Полковник Пак, не меняя позы, спросил: — Вы утверждаете, что в объекте столетней давности может находиться тактическое преимущество, отсутствующее в свежем.

— Тактическое? Нет. Методологическое. — Алина поправила очки. — Первый «Ковчег» был повреждён, но не мёртв. Судя по данным «Ковчега-2», его ИИ столетие пытался не передать нам технологии — он пытался подготовить наш разум к их принятию. Он сеял в эфир не чертежи, а фундаментальные понятия. Квантовую нелокальность. Принцип гравитационного искривления. Большую часть мы, может, и получили — отсюда скачок в физике XX века. Но самая важная часть — понимание — это не просто уравнение. Это логическая цепочка, парадигма мышления его создателей. Она могла не «взлететь», оказаться слишком чуждой. Её могли отбросить как бредовую теорию какого-нибудь забытого гения. Она могла остаться только в памяти первого «Ковчега». Он знает, как думали те, кто всё это создал. А без этого мы — обезьяны с ядерным реактором. Можем включить, но не знаем, как регулировать. Поиск и расшифровка его памяти — это не археология. Это страховая копия нашего разума на случай, если мы пойдём не по тому пути. Пути, на который у нас нет 50 лет.

Михалыч молча смотрел на голограмму красной точки «Пожирателей», потом на Чжана Вэя. — Встройте в первый этап «Жатвы» создание группы и выделение ресурсов для неглубокой, точечной разведки в районе Тунгусской аномалии. Под видом геологических или экологических исследований. Минимальная заметность. Доктор Космодемьянская, вы подготовите список «аномальных» идей и теорий в физике XX-XXI веков, которые могли быть «посевами» с вашей точки зрения. Сверим с тем, что найдём. Риск небольшой, потенциальная выгода — сокращение сроков на годы. Согласовано?

Чжан Вэй сделал пометку. — Будет вписано как подпункт «Теоретическое обоснование технологий». Приоритет низкий, но ресурсы выделяю.

— Сводный план, — Михалыч вернулся к основному повестке. — Этап 1 (0-5 лет): Строительство «Моста». Развёртывание лунной промышленности. Начало подготовки «Копья». Этап 2 (5-25 лет): Массовое производство элементов «Щита» и кораблей «Копья». Создание сети орбитальных крепостей. Этап 3 (25-45 лет): Развёртывание полномасштабной оборонительной системы. Учения. Этап 4 (45-47 лет): Приведение системы в полную боевую готовность. Встреча противника на дальних подступах. Вопросы?

Чжан Вэй ответил первым: — Главный риск — узкие места в цепочках поставок редких элементов для гравитационных матриц. Требуется создание дублирующих производств. — Контроль будет тотальным, — отчеканил Пак Чоль. — Каждый человек на критическом участке будет проверяться. Каждый узел — тестироваться. — Технический риск, — добавила Алина. — Мы не до конца понимаем, как матрица поведёт себя в масштабе. Нужен полигон для испытаний вдали от Земли. — Луна, — коротко сказал Михалыч. — Первые испытания «Вихря» проводим там. Согласовано?

Кивания. Никаких возражений. — Тогда начинаем, — Михалыч отключил центральную голограмму. В зале остался лишь тусклый свет аварийных ламп. — Чжан Вэй, вы в течение 24 часов предоставляете детализированный план мобилизации экономики. Полковник Пак, начинайте отбор и подготовку первой группы «Копья». Доктор Космодемьянская, ваша задача — создать международную научную группу и выжать из «Ковчега» всё, что можно, по технологии «Вихря». Я займусь координацией и ресурсами. Время пошло.

Совещание было окончено. Но в зале не было ощущения завершённости. Было ощущение старта обратного отсчёта к самому большому инженерному проекту в истории человечества.

Глава 14. Итоги семи дней.

Москва, Кремль. Личный кабинет Президента. 23:17.

За окном давно стемнело, но в просторном, отделанном тёмным деревом кабинете свет бил яркими точками, выхватывая из полумрака напряжённые лица. Президент сидел не в своём кресле, а на краю массивного стола, спиной к портрету Петра I. Дым от его сигареты струился в воздухе. Перед ним, расположившись вполоборота друг к другу, сидели те, кто провёл эту неделю в аду: Сергей Михайлович Стрелецкий, премьер-министр Громов, глава СВР Орлов и на большом экране плазменной панели — Чжан Вэй. Связь с Паком Чолем не подключали — полковник был на передовой, принимая капитуляцию последних групп противника.

Тишину нарушал только тихий гул системы вентиляции. Президент медленно выдохнул дым, его взгляд, усталый и тяжёлый, скользнул по каждому.

— Итак, — начал он, и его голос, обычно уверенный, звучал приглушённо, с новой, несвойственной ему хрипотцой. — Неделю назад в сибирской тайге упал кусок чужого железа. С тех пор мы впервые с сорок пятого года вели полномасштабные боевые действия на своей территории, поставили на грань ядерной войны половину планеты и, как я понимаю из ваших кратких докладов, — выиграли. Теперь я хочу подробностей. Сергей Михайлович, давайте по порядку. Какова цена нашей победы?

Михалыч, стоявший у карты на стене, откашлялся. На нём был тот же мятый китель, что и семь дней назад, только теперь он висел мешком, а под глазами залегли фиолетовые тени он так и не был дома, максимум который он мог себе позволить это комната отдыха в его кабинете. Он щёлкнул пультом, и на экране за его спиной всплыли столбцы.

— Цифры, товарищ Президент. Наши безвозвратные потери: двадцать семь человек. Все — спецназ ГРУ и ВДВ из различных групп. Лучшие из лучших. Раненых — сорок один, шестеро в тяжелом состоянии. Со стороны наших союзников по ВОП: КНДР — трое погибших, семеро раненых. Китай — потерь нет, их контингент не вступал в прямой контакт. Противник: оперативная группа «Одиссей» численностью сто восемьдесят человек уничтожена или захвачена в полном составе. Техники они не потеряли — у них её, по сути, и не было, кроме того, что сгорело при десантировании.

— Сто восемьдесят... — прошептал премьер-министр Громов, снимая очки и протирая переносицу. Его лицо было землистым. — Это целый батальон элиты. И мы их... выкосили. За три дня активных боёв.

— Не мы, — поправил Михалыч, его голос был лишён триумфа. — Восточный Оборонительный Пакт. Корейские войска сковали их в ближнем бою, заняли фронт и не дали маневрировать. Наши нанесли артиллерийские и авиационные удары, рассекли их группировку. Китай, — он кивнул на экран, — отключили им связь, навигацию, финансирование и, как я понимаю, желание воевать у их хозяев. Это была не героическая битва. Это была демонстрация. Хирургическая операция по устранению угрозы с минимальными для коалиции потерями.

Чжан Вэй на экране слегка кивнул, его лицо было бесстрастным, как всегда.

— Экономические и политические издержки противника на несколько порядков превосходят военные. Биржевая капитализация «Odyssey Solutions» упала на 34%. Индексы Dow Jones и NASDAQ просели на 8 и 12% соответственно после публикации слитых материалов. В сенате США создана чрезвычайная комиссия по расследованию. Операция «Гиперборея» в медиапространстве КСН превратилась в синоним провала, коррупции и предательства. Мы обеспечили им состояние управляемого хаоса. Их общество расколото, элиты заняты взаимными обвинениями. В ближайшие месяцы они будут решать внутренние проблемы, а не планировать новые авантюры.

Президент потушил сигарету, взял со стола список погибших, пробежал глазами фамилии. Некоторых я знал лично.

— Всем погибшим. Присвоить звание посмертно — Героя Российской Федерации. — всех ко участвовал в операции к ордену Мужества. «Это касается и наших союзников», — произнес президент.

— Двадцать семь, — повторил Громов. — А у них — сто восемьдесят. И всё равно тяжело. Слишком много хороших ребят легло.

— На войне всегда так, — жёстко сказал Орлов. — Но мы хотя бы знаем, за что. А они?

— А сам объект? — Президент ткнул пальцем в сторону, где за тысячу километров лежала Сибирь. — Эта... штуковина, ради которой всё и началось. Что с ней? И что, чёрт возьми, она такое?

Михалыч переключил карту на схему тетраэдра и звёздные карты.

— Инопланетный объект, прибывший примерно из основания рукава Ориона, — начал он, и в его голосе впервые за вечер прозвучало нечто, кроме усталости. — Это факт, подтверждённый группой доктора Космодемьянской. Это уже — второй. Первый упал в 1908 году под Тунгуской. Он был повреждён, но... он столетие пытался «подтолкнуть» нашу науку в нужном направлении. И, судя по всему, преуспел. А этот — целый. Он — автоматический посол, курьер. От цивилизации, которую он называет «Создатели». Их больше нет. Их уничтожила другая цивилизация. Мы пока присвоили кодовое название «Пожиратели».

Он сделал паузу, давая словам осесть. В кабинете стало тихо настолько, что было слышно, как гудит лампа.

— И эти «Пожиратели»... они уже в пути. Сюда.

Глава СВР Орлов, обычно невозмутимый, медленно положил ручку на стол.

— В пути? Они о нас знают? Что это значит? Объявление войны?

— Не войны, Дмитрий Владимирович, — ответил Михалыч, глядя прямо на него. — Экспансии. Как саранча. Они находят обитаемые миры, оценивают уровень угрозы и, если он превышает некий порог, очищают планету для своих нужд. «Создатели» проиграли. Но перед гибелью разослали тысячи таких «посылок» с технологиями и предупреждениями. Мы — одни из тех, кто получил.

— И сколько у нас времени? — спросил Президент. Его лицо не дрогнуло, но пальцы, сжимавшие сигарету, чуть её не переломили.

— По самым пугающим расчётам учёных, — Михалыч посмотрел на листок в руке, — около пятидесяти лет. До прибытия передового отряда. Возможно, меньше.

Наступила тяжёлая, давящая тишина. Её нарушил голос премьера Громова — негромкий, но с металлическими нотками:

— Пятьдесят лет Сергей Михайлович, вы отдаёте себе отчёт, что это значит для экономики? Если мы завтра объявим тотальную мобилизацию, рынки рухнут за неделю. Рубль, юань, любые наши деньги обесценятся. Люди потеряют работу, сбережения, веру в завтрашний день. Бунты начнутся через месяц. Мы не выдержим и пяти лет такой гонки, не то, что пятидесяти.

— Выдержим, — Михалыч говорил жёстко, чеканя каждое слово. — Потому что альтернатива — не просто дефолт или голод. Альтернатива — конец вида. Когда человек понимает, что выбора нет, он способен на многое. Но вы правы: паника будет. Поэтому параллельно с мобилизацией нужно запускать масштабную информационную кампанию. Не пугать, а объяснять. Показывать, что каждый новый завод, каждая тонна редкоземов — это недели и годы, которые мы выигрываем для наших детей.

— У нас нет опыта такой пропаганды, — заметил Орлов. — В Великую Отечественную враг был понятен: немец в каске, идёт по нашей земле. А тут — абстрактный «рой» из космоса, которого никто не видел. Как объяснить человеку, почему он должен работать за копейки и отдавать последнее?

— Значит, придётся учиться, — отрезал Президент. Он повернулся к окну, к ночной Москве, потом резко обернулся. — Подключайте психологов, социологов, сценаристов, режиссёров — всех, кто умеет трогать души. Сделайте из «Жатвы времени» не приказ сверху, а общее дело, национальную идею. Не ради партии, не ради идеологии — ради выживания. Покажите им «Ковчег», покажите чертежи Моста, покажите, как их дети будут летать к звёздам. Вопрос решён.

Премьер-министр закрыл лицо руками. Орлов выдохнул: «Господи...». Чжан Вэй лишь слегка наклонил голову, как будто услышал ожидаемую, но неприятную статистику.

— Пятьдесят лет, — повторил Президент. Он встал, прошёлся к окну, посмотрел на ночную Москву. — Пятьдесят лет — это не срок для политики. Это срок для цивилизационного проекта. — Он обернулся. — На сколько мы отстаём от них технически? Что вы предлагаете, Сергей Михайлович? Ясно, что война с КСН отныне — детская забава на фоне этого.

Михалыч выпрямился, собрался с силами.

— Товарищ Президент, я предлагаю:

Первое. Немедленно, ещё до рассвета, перевести всю работу по «Ковчегу» и всем связанным технологиям в разряд «Особой государственной важности — уровень один». Полное засекречивание. Вне всяких надзорных органов, включая наши. Только Ставка ВОП.

Второе. Узаконить и углубить формат ВОП. Не как временный военный союз, а как постоянный орган стратегического планирования на период экзистенциальной угрозы — «Совет Земли». С общим бюджетом, общим планированием, общим командованием. — Мобилизационный человеческий резерв и дисциплинированная сила.

Третье. Начать тотальную, но скрытую мобилизацию нашей экономики и науки под одну цель: освоение технологий «Ковчеха» и создание на их основе оборонительного потенциала. Без сантиментов. Без торга. Как в Великую Отечественную, только масштабнее. В одиночку мы не справимся — нужно работать всей планете.

Четвёртое. Готовить почву для... информирования населения Земли. Не сейчас. Сейчас будет паника. Но через год-два, когда первые плоды совместной работы станут видимыми — «Небесный Мост», новые материалы — нужно будет рассказать правду. Чтобы каждый человек понял, за что он будет работать на износ следующие полвека.

— Вы предлагаете создать технократическую диктатуру во имя спасения, — констатировал Орлов. — Под эгидой трёх государств.

— Я предлагаю единственный шанс на выживание, — парировал Михалыч. — Диктатура эмоций, лжи и рынка, которую нам навязывал Запад, нас уже почти добила. Пора диктатуры разума, долга и общей цели. КСН сейчас в шоке и разобщены. Мы должны использовать этот шок, чтобы не добить их, а... предложить им капитуляцию на наших условиях. Предложить влиться в «Совет Земли» на вторых ролях. Их промышленность, их учёные нам нужны. Но их политическая система — нет.

— А пленные? — спросил Громов. — Что с наёмниками «Одиссея»? У нас их почти полсотни.

— Допросы уже дали всё, что можно, — ответил Орлов. — Остальное — обмен или суд. Но я предлагаю другой ход. Часть из них, наиболее ценная — те, у кого уникальные навыки в стелс-технологиях и кибервойне, — могут быть «перевербованы». В новом мире, где мы строим оборону против космической угрозы, каждый специалист на счету. Даже если он вчера стрелял в нас.

— Товарищ Президент, — вмешался Чжан Вэй, — позвольте уточнить. Это специалисты, выполнявшие контракт, не зная реальной цели... их можно использовать. У нас уже есть прецеденты в кибервойне: бывшие хакеры КСН работают на наши структуры. Эффективно.

— То есть вы предлагаете амнистию? — Президент поднял бровь.

— Предлагаю рациональное использование человеческого капитала, — поправил Чжан Вэй. — Строгий отбор, полная проверка, обязательство работать на проект «Жатва времени» под надзором. В обмен — жизнь и свобода после победы. Если они, конечно, доживут.

— Звучит цинично, — заметил Громов.

— Реальность цинична, — отрезал Михалыч. — У нас пятьдесят лет. Каждая пара рук, каждый инженерный талант на счету. Если бывший враг готов копать траншеи на Луне или тестировать прототипы — пусть копает.

Президент долго молчал, изучая лица. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Принято. По всем пунктам. Оформляйте решения. ВОП преобразуется в «Совет стратегического развития Земли» с сегодняшнего дня. Вы, Сергей Михайлович, — председатель Военно-научного комитета. Чжан Вэй — председатель Комитета по ресурсам и логистике. Полковника Пака включить в состав по кадрам и мобилизации. Решение о тотальной мобилизации — в силе. Готовьте указы. И... — он взглянул в окно, — готовьте мне обращение. Миру мы пока скажем, что отбили грубую провокацию, защитили свой суверенитет и начинаем совместную с нашими партнёрами масштабную космическую программу для изучения вселенной и новых вызовов. Это будет правдой. Но не всей. Всю правду они узнают, когда мы будем готовы их не слушать, а вести за собой.

Он подошёл к столу, с силой упёрся в него ладонями.

— Завтра начинается новая эпоха. Эпоха, когда мы перестаём бороться за место под этим солнцем и начинаем бороться за право вообще иметь солнце. Работа, которую вы проделали за эту неделю, — это только первый выстрел в очень долгой войне. Я благодарен вам всем. И я не завидую никому из нас.

— Товарищ Президент, — неожиданно подал голос Орлов. — А что с теми, кто нас предал внутри? У нас есть подозрения, что информация об объекте утекла на Запад ещё до его падения. Кто-то в наших структурах работал на КСН.

— Разбирайтесь, — жёстко сказал Президент. — Тихо, без шума. Но без пощады. В военное время шпионаж карается по законам военного времени.

— Слушаюсь.

Михалыч достал из кармана новую пачку сигарет, закурил, не спрашивая разрешения. Дым смешался с тишиной.

— Ещё один вопрос, — сказал Громов. — Доктор Космодемьянская. Она... в порядке? Я слышал, она в прямом контакте с объектом была. После чего были проблемы со здоровьем потеря сознания, она пришла в себя?

— Жива, — коротко ответил Михалыч. — Уже в лаборатории. С ней врач из Пекина, лучший нейрофизиолог. Говорят, что-то там нашла в данных. Но подробностей пока не даёт — сама не до конца поняла. Я распорядился её не дёргать, пусть работает.

— Какие данные? — переспросил Президент.

— Пока не знаем, — признался Михалыч. — Но она сказала, что это может изменить всё. Ещё раз. Уже во второй раз за неделю.

В кабинете снова повисла тяжёлая пауза.

— Ладно, — Президент постучал костяшками пальцев по столу. — Значит, так. До особого распоряжения — режим полной секретности. Ничего не выходит за пределы этого кабинета и Ставки ВОП. Чжан Вэй, вы обеспечиваете цифровую блокировку всех утечек. Сергей Михайлович, вы — физическую охрану объекта и учёных. Орлов — внутреннюю чистку. Громов — экономическую мобилизацию. Начинаем работать как единый организм. Все свободны.

Один за другим они покидали кабинет. Последним задержался Михалыч.

— Товарищ Президент, — сказал он тихо. — Вы понимаете, что мы только что подписали себе приговор? Пятьдесят лет тотальной мобилизации. Никаких выборов, никакой оппозиции,

никакой свободы слова в привычном понимании. Люди будут ныть, бунтовать, проклинать нас. А мы не сможем им объяснить почему, такая правда вызовет панику.

— Понимаю, — Президент посмотрел ему прямо в глаза. — Но у нас нет выбора. И мы все расскажем, как только сами будем знать столько, что можно сказать этого достаточно.

— Тогда у нас всё получится, — Михалыч кивнул и направился к двери.

— И ещё, — окликнул его Президент. — Передайте доктору Космодемьянской. Если она найдёт способ ускорить процесс — пусть не стесняется в средствах. Любой ценой. Я ее всегда поддержу. Организуйте нам постоянную прямую связь.

— Передам.

Когда Михалыч выходил в пустой, освещённый ночниками коридор, его телефон завибрировал. СМС от Алины: «Михалыч, чёртова железка наконец-то отдала схему энергоядра. Безопасная (вроде). Запускаем первую фазу «Моста» через 12 часов. Если не взорвёмся — у вас будет своя маленькая звезда в Сибири».

Он усмехнулся, сунул телефон в карман и потянулся к внутренней фляжке. «Маленькая звезда». Неплохо для итога семи суток кремлёвского ада.

Он вышел на воздух. Ночь была холодной и ясной. Где-то там, над головой, за пределами атмосферы, уже висела невидимая, неумолимая угроза. Но здесь, на земле, только что родилась хрупкая, железная воля, чтобы ей противостоять. Новая, тёмная глава в истории человечества, первая строка которой только что была написана в тишине кремлёвского кабинета.

Михалыч закурил очередную сигарету, глядя на звёзды. Мысленно он уже прокручивал завтрашние задачи: координация с Чжан Вэем. Спать не придётся ещё сутки, но это было привычно. Он привык работать на пределе.

— Эх, — выдохнул он в морозный воздух. — Семь дней, которые потрясли мир. А впереди — десятилетия, которые его перестроят. Если мы, конечно, не облажаемся.

Он бросил окурочек в урну, застегнул куртку и зашагал к машине, оставляя за спиной кремлёвские стены, за которыми только что была переписана история человечества. Начинаясь новая эра — эра «Жатвы времени». И никто не знал, сколько жатв предстоит собрать, прежде чем настанет час жатвы окончательной.

Часть 2: СТАЯ И МОЛОТ (День 8 — День 30)

Глава 15. Полковник Пак: Занятие рубежа

День 13. 5:03 по местному времени.

Мороз к рассвету усилился, выжег из воздуха последнюю влагу, превратив его в колючую, режущую массу. Полковник Пак Чоль стоял на краю просеки, и этот воздух входил в его лёгкие ровными, экономными порциями. Он не чувствовал холода. Он чувствовал пространство — его геометрию, его складки, его мёртвые зоны и подступы. Перед ним раскинулся участок тайги, обозначенный на картах как «Рубеж Скала, сектор 7-Г». Невысокий холм, поросший смешанным лесом, с двумя просветами-просеками. С тактической точки зрения — не идеально. Слишком открыто с флангов. Но приказ был ясен: занять и превратить в неприступную позицию. Для сдерживания. Они были не мечом. Они были щитом. А щит должен быть неподвижным, глухим и терпеливым.

За его спиной, без единого лишнего звука, происходило чудо дисциплины. Корпус не разворачивался — он прорастал из мёрзлой земли.

Первая линия: Сапёры, двигаясь бесшумными, отработанными движениями, устанавливали не обычные мины. Это были умные, сейсмоакустические «прыгуны» с двойным зарядом. Первый — чтобы подбросить жертву в воздух. Второй — чтобы добить её на высоте. Мины ставились не хаотично, а узорами, создавая смертельные коридоры и направляя любого противника в зоны кинжального огня.

Вторая линия: Пулемётные расчёты не просто копали ячейки. Они встраивали их в естественный рельеф. Каждое гнездо имело не менее трёх запасных позиций для смены сектора обстрела. Стволы обматывались маскировочной сетью с теплорассеивающим покрытием, сшитой по той же технологии, что и их зимний гунбок. Рядом с настоящими расчётами ставились ложные — макеты с тепловыми имитаторами, подключённые к датчикам. Выстрелишь по такому — выдашь свою позицию огневым точкам с фланга.

Третья линия: Миномётные батареи и расчёты ПТРК закапывались глубже, с расчётом на ведение огня по заранее пристрелянным квадратам. Связисты прокладывали продублированные волоконно-оптические линии, защищённые от РЭБ.

Всё это делалось без громких команд. Каждому приказ был отдан в электронном виде через нейронную сеть ВОП. Руки работали, глаза вычисляли, дыхание оставалось ровным. Они были не солдатами в привычном, западном понимании. Они были функцией. Живым, мыслящим продолжением оборонительного комплекса.

Пак прошёл вдоль формирующейся линии. Его взгляд, холодный и методичный, выхватывал детали. У одного молодого солдата лопата лежала на бруствере, создавая демаскирующий блик. Пак не стал его ругать. Он просто остановился, поправил лопату. В глазах солдата вспыхнуло не смущение, а понимание, не говоря ни слова, кивнул обозначив понимание своей ошибки. Ошибка была устранена. Знание передано. Система отлажена.

Он подошёл к командиру роты, капитану Ри. — Капитан. Первая цель — разведка или мелкая группа. Их задача — спровоцировать, найти слабое место. Вы знаете приказ. — Не открывать огонь, товарищ полковник, — чётко отрапортовал Ри. — Позволить им углубиться. Заманить в коридор между минными полями 7-Г-2 и 7-Г-4. Дождаться основной группы. — Верно. Ваша задача — быть скалой. Скала не отвечает на тычки. Она ждёт, пока на неё не налетят всем весом. И тогда она остаётся целой. А тот, кто налетел — разбивается, — закончил капитан.

Пак кивнул и двинулся дальше, к командному пункту. Внутри утепленного модуля на экранах уже горели метки — их собственные подразделения, обозначенные зелёным, и синие квадраты русских мобильных групп, занимавших позиции восточнее. Их собственные дроны-разведчики, невидимые для радаров противника, уже висели в небе, передавая панораму местности.

Связь с русским командованием сектора, полковником Громовым («Буран-2»), была установлена накануне. Канал был чистым, без помех. — «Скала-1», здесь «Буран-2». Ваши позиции отображаются. Готовы к координации, — раздался в наушниках спокойный, слегка хриловатый голос. — «Буран-2», «Скала-1». Рубеж «Скала» будет готов через сорок минут. Жду данных о возможных подходах противника, — ответил Пак. — Передаю. По нашим данным, группа «Омега» противника, численностью до тридцати человек, движется с северо-запада. Расчётное время выхода на ваш рубеж — два часа. Они попытаются пробить слабое место. Мы позволим им подойти. — Понял. Мои люди будут ждать. — Ваши люди — сталь, — после небольшой паузы сказал Громов. В его голосе не было лести. Была констатация факта. — Мои — молот. Вы держите. А мы будем бить. — Согласовано, — коротко ответил Пак. Диалог был исчерпан. Всё необходимое было сказано. Остальное зависело от исполнения.

Пак отключил микрофон и вышел из модуля снова. Рассвет уже разливал по небу холодное, свинцовое сияние. Он обошёл позицию ещё раз, теперь уже видя не отдельных солдат, а единый организм. Организм, который не атакует. Не маневрирует. Он вгрызаясь в землю, сливается с лесом, затаивает дыхание и ждёт. Его сила — не в броске, а в неподвижности. Не в ярости, а в терпении.

«Война — это не движение, — думал он, глядя, как последний расчёт маскирует ствол миномёта ветками. — Это терпение. Соревнование воли. Побеждает не тот, кто быстрее бежит или громче кричит. Побеждает тот, кто может ждать дольше всех, не теряя остроты. Кто не дрогнет, когда в ста метрах от его окопа будут кричать чужие голоса. Кто не выстрелит, когда цель сама просится на мушку. Кто экономит патрон, силу, нерв — для того единственного, решающего момента, когда терпение должно смениться действием. И тогда это действие будет коротким, точным и необратимым».

Он вернулся на КП. На экране синие квадраты начали медленное, едва заметное перемещение, заходя во фланг к предполагаемому маршруту противника. Зелёные метки его людей оставались неподвижными. Алая метка группы «Омега» ползла по карте, словно слепой жук, направляясь напрямиком в расставленную, молчаливую пасть.

Пак сел, выпрямил спину, сложил руки на столе. Он не волновался. Он проверял расчёты. Его люди были сталью. Скоро начнётся привычный, суровый процессковки. Исход был предопределён. Всё, что требовалось от него, — это обеспечить неподвижность и терпение. Самые тяжёлые добродетели солдата. И самые победоносные.

Он приказал принести чаю. Час ожидания только начался.

ГЛАВА 16. ПОСЛЕДНИЙ АККОРД «ГИПЕРБОРЕИ»

ДЕНЬ 8. 04:17 ПО МОСКВЕ.

Локация: Временный командный пункт «Буран-1», 5 км от объекта.

Мороз к утру усилился до минус сорока. Воздух звенел, как натянутая струна, и этот звон резал слух чаще, чем редкие, уже формальные выстрелы вдалеке. Война в Сибири не закончилась. Она выдохлась.

На экране Сергея Михайловича последние красные точки — разрозненные группы «Одиссея», отрезанные от связи, брошенные своими, — гасли одна за другой. Не от артобстрелов. От холода, отчаяния и методичных, неумолимых прочёсок.

«Вебрь» и корейские «Тени» так прозвали их военнопленные наемники. Работали в унисон. Русские — выгоняя дичь. Корейцы — как тиски, сжимая пространство. Как лесники, очищающие тайгу от опасного, больного зверья.

Молодой солдат КНА, его дыхание стелется облаком, осторожно снимает с замшевого ствола кедра миниатюрный маячок «Одиссея». Он рассматривает изящную технологию, пожимает плечами и аккуратно, словно мусор, кладёт его в мешок для вещдоков. Враг, на который потратили миллиарды, превращался в хлам.

ДЕНЬ 10. 11:00.

Локация: Полевой госпиталь, сектор для военнопленных.

Джейсон Фокс сидел на скрипучей койке, закутавшись в серое одеяло. Раны болели тупо, приглушённо, как и всё внутри. Перед ним на табурете сидел не следователь, а русский военный психолог — немолодая женщина с усталыми, умными глазами. Она не допрашивала. Она констатировала.

— Ваше правительство, — говорила она спокойно, на чистом английском, — заявило, что операция «Гиперборея» была несанкционированной авантюрой частной военной компании. Все документы подписаны людьми, которые уже подали в отставку. Вам и вашим людям предлагают статус жертв корпоративной халатности. При условии полного сотрудничества.

Фокс молчал. Он смотрел в стену. Он всё понял ещё в лесу, когда услышал панику в эфире. Их не просто предали. Их стерли. Из героев тайной войны превратили в неудачливых наёмников, которых кинули плохие начальники. Удобно. Чисто.

— А если не согласимся? — хрипло спросил он, впервые заговорив за день.

Психолог пожала плечами. — Тогда вы — военные преступники, действовавшие по указке дискредитированного режима. Судить будет международный трибунал, который — она позволила себе лёгкую, ледяную улыбку, — будет сформирован по инициативе Восточного Оборонительного Пакта. Шансов на оправдание — ноль. Выбор, мистер Фокс, между быть жертвой и быть козлом отпущения. Рекомендую первое.

Она оставила ему папку с документами. «Лис» не стал её открывать. Он смотрел в маленькое, мутное оконце, на заснеженный лес. Его яхта, «Ускользящая», казалась теперь не символом успеха, а глупой, детской мечтой. Он проиграл. Его мир проиграл. И самое страшное — победители были правы. Они были эффективнее, хладнокровнее, целостнее. Они выиграла, потому что были сильнее. И в этой новой, жестокой правде не было места ни ему, ни его боевым контрактам, ни его вере в то, что профессионализм можно купить.

ДЕНЬ 12. Засекреченный канал связи ВОП.

На экранах у Михалыча, Чжана Вэя и Пака (последний — с полевого терминала) не было боевых карт. Были диаграммы и потоки данных.

Чжан Вэй (голос бесстрастный, как синтезатор): — Политический капитал операции исчерпан. Биржи КСН продолжают падение, но адаптируются. Их медиа переключаются на

внутренние скандалы. Ожидаемая фаза агрессивного отрицания завершается. Начинается фаза зализывания ран и поиска виноватых. Наше окно для следующего шага — 14-20 дней.

Михалыч (потирая переносицу): — Наши потери? Пак (чётко, без эмоций): — Потери: три человека погибли, семь ранены. Готовы к новой задаче. Михалыч (кивает, но в глазах — тяжесть. Его потери больше): — Хорошо. Значит, тактическая цель достигнута. «Одиссей» ликвидирован. Граница закрыта. Теперь... главная цель. Что с артефактом?

Чжан Вэй: — Доктор Космодемьянская и совместная научная группа работают в режиме нон-стоп. Предварительные данные... тревожные. Они запрашивают экстренное совещание уровня «Альфа». Говорят, что-то нашли нужно обсудить на высшем уровне.

В эфире повисла пауза. Даже невозмутимый Пак замер.

Михалыч (тихо): — Сколько у нас времени до этого совещания? Чжан Вэй: — Шесть часов. Этого достаточно, чтобы принять принципиальное решение, Сергей Михайлович. Что мы скажем нашим народам? И... что мы предложим тем, — он кивнул в сторону, где мысленно находился Запад, — кто только что попытался нас убить? Информировать их — значит делиться стратегическим преимуществом. Молчать — значит позволить им и дальше булькать в своей агонии, тратя ресурсы, которые могут понадобиться всем нам.

Михалыч встал, отошёл от экрана, к заварному чайнику, расписанному под гжель, налил себе крепчайшего чая. Он смотрел на пар, поднимающийся от кружки, покрутил ее в руках рассматривая такой же узор из голубых завитков. — Мы скажем им всё, — произнёс он наконец. — Всю, чёртову, безразмерную правду. Потому что если то, что нашли Алина и её ребята, — правда, то это уже не наша война. Это диагноз. И лечить придётся всю планету. А больных, которые мешают лечить себя, — либо усмиряют, либо... изолируют. Готовьте каналы. Через шесть часов мы начинаем новую игру. И ставка в ней — вообще всё. Идем на обострение.

ГЛАВА 17. ТРИ УРОВНЯ БЕЗУСЛОВНОСТИ

День 13. Три локации. Одно время.

УРОВЕНЬ ПЕРВЫЙ: ГЛУБИНА

Южно-Китайское море, 120 км к юго-востоку от острова Хайнань. Глубина: 280 метров.

Капитан 2-го ранга Ли Цзянь из Подводных сил НОАК не любил слово «война». Он предпочитал термин «принуждение к соблюдению протокола». Его атомная подводная лодка типа «Цзинь», «Хуньдунь», лежала на грунте, как гигантский скат, её корпус, покрытый акустическими панелями, сливался с илистым дном. Она была невидима. Не просто скрыта — стёрта из акустической картины океана.

На центральном посту царил тишина, нарушаемая лишь тихими щелчками сонаров и ровным гулом реактора. На главном экране светилась тактическая карта. Двадцать семь торговых судов под флагами Либерии, Панамы и Маршалловых островов образовывали конвой. Их официальный груз — «промышленное оборудование». Реальный — контейнеры с высокоточными станками, микросхемами и запчастями для авионики, следовавшие на Аляску для нужд «восстановления» группировки КСН.

— Дистанция? — тихо спросил Ли Цзянь. — Двенадцать километров. Идут со скоростью шестнадцать узлов. Курс постоянный, — ответил старпом. — Акустический фон? — Высокий. Шум винтов, работа генераторов. Они даже не пытаются скрыться.

Капитан кивнул. Гордость. Всегда гордость. Они считали, что океан — их дорога. Что старые правила защиты торгового судоходства по-прежнему работают. Они не поняли, что с падением «Подарка» старые правила сгорели. Теперь работали правила сада. И сорняки подлежали прополке.

— Отдать приказ «Циньлин-2». Атаку номер три, — сказал Ли Цзянь.

«Циньлин-2» была не торпедой. Это был подводный беспилотный аппарат-диверсант, похожий на металлическую щуку. Он вышел из торпедного аппарата «Хуньдуня» беззвучно и поплыл к конвою, оставляя за собой лишь минимальные возмущения воды.

Его цель — не потопление. Диверсия. Он подплыл к корпусу головного судна, сухогруза «Атлантик Дрим», и выпустил из передней части тонкую, гибкую «иглу» — волоконно-оптический кабель с индукционным интерфейсом. За считанные секунды «Циньлин-2» взломал бортовую сеть через незащищённый порт системы управления балластом. Не разрушая. Не взрывая. Внедряя вирус.

На мостике «Атлантик Дрима» все показания приборов внезапно замерли, а затем стали меняться с пугающей быстротой. Датчики крена начали врать. Система автоматического управления балластными цистернами получила команду на заполнение носовых отсеков. Незаметно, без тревог, огромный сухогруз начал крениться на нос.

— Что происходит? — закричал капитан судна, хватаясь за приборную панель. — Сбой! Везде сбой!

Через пять минут «Атлантик Дрим» встал мёртвым в воде с опасным дифферентом на нос, блокируя фарватер для всего конвоя. Сигналы бедствия уходили в эфир, но ответа не было. Спутниковая связь в этом квадрате внезапно «испытывала плановые помехи».

На «Хуньдуне» капитан Ли Цзянь наблюдал за хаосом на экране. — Цель достигнута. Конвой обездвижен. Сообщаем в центр: операция «Тихий путь» завершена. Ожидаем инструкций по задержанию и досмотру «гуманитарного груза». Его работа была сделана. Без единого

выстрела. Только чистая, холодная кибернетика и понимание слабых мест системы. Логистическая артерия КСН была перерезана скальпелем, а не топором.

УРОВЕНЬ ВТОРОЙ: ЛАБОРАТОРИЯ

Пекин. Национальная лаборатория квантовых материалов. Сектор «Лотос».

Доктор Чэнь Лин, ведущий физик-материаловед КНР, смотрела не на образец, а на поток сырых данных, поступавших напрямую из «Академград-7» от Алины Космодемьянской. Это были не формулы, а архитектурные чертежи материи на субатомном уровне. Тот самый «код», о котором кричала русская учёная.

Её команда из двадцати человек работала в режиме нон-стоп. Одни строили квантовые симуляции поведения материала обшивки «Ковчега» под разными нагрузками. Другие пытались расшифровать принцип «гравитационной вышивки» — как заставить атомы удерживать структуру не химическими связями, а локальным искривлением пространства-времени.

— Доктор Чэнь, симуляция 447, — доложил молодой аспирант, его лицо было бледным от усталости и восторга. — Мы воспроизвели фрагмент матрицы. Принцип он похож на квантовую запутанность, но в макромасштабе. Каждая ячейка материала «знает» о состоянии соседней через гравитационное поле. Удар по одной точке распределяется по всей структуре. Это это как броня, сплетённая самого из пространства.

— Прочность? — спросила Чэнь Лин, её пальцы уже стучали по клавиатуре, внося коррективы в алгоритм синтеза. — Предварительные расчёты: на три порядка выше лучших наших керамических композитов. При вдвое меньшей плотности. — Время на создание опытного образца? — При текущих мощностях годы. Но если перепрофилировать установки в Шэньчжэне и Ухани под новый метод осаждения — Сделайте предложение, — отрезала Чэнь Лин. — Я направлю запрос товарищу Чжану Вэю. Если он утвердит, у вас будет доступ к двум заводам и военному реактору для энергоснабжения через сорок восемь часов.

Она откинулась в кресле, смотря на виртуальную модель материала, вращающуюся в воздухе. Это была не просто технология. Это был новый язык физики. И Китай, с его гигантской промышленной базой и дисциплинированными кадрами, был идеальным местом, чтобы этот язык не только выучить, но и начать на нём говорить. Пока Запад тонул в политических дрязгах, они готовились штамповать звёздную броню. Их война была войной титановых печей, кристаллических ростков и абсолютной концентрации.

УРОВЕНЬ ТРЕТИЙ: БЕЛЫЕ ХАЛАТЫ

Полевой госпиталь ВОП «Узел-7», в 40 км от зоны конфликта.

Доктор Ли Сяохуэй, та самая женщина, что наблюдала за Алиной, стояла перед палаткой сортировки. Воздух был густ от запаха антисептика, крови и холода. Сюда поступали все: русские десантники, корейские пехотинцы, раненые наёмники из «Одиссея» и «Тритона». Разные языки, разные униформы, разная степень ненависти в глазах. Но для неё и её команды они были единым потоком — патологией.

Её принцип был взят из древнего трактата: «Лечи болезнь, а не больного». В данном случае болезнью была война. А симптомы — огнестрельные ранения, обморожения, шок.

— Этот? — она кивнула на молодого парня в чёрном, обгоревшем камуфляже «Тритона». У него была сложная травма ноги. — Американец. Рядовой. Пулевое с осколочным, повреждение малой берцовой и мягких тканей, — доложила медсестра. — Палата три. Стандартная процедура. Обезболивание, хирургическая чистка, фиксация. «Никаких отличий от наших», — сказала Ли Сяохуэй. В её голосе не было ни жалости, ни злорадства. Была профессиональная отстранённость. Этот человек пытался убить её союзников. Теперь он был биоматериалом,

требующим ремонта. Его вылечат, допросят, а дальше — он станет либо разменной монетой, либо источником данных. Его личная трагедия не имела значения в общей статистике выживаемости.

Она прошла дальше, в палату, где лежали двое корейских солдат с контузиями. Один что-то бормотал, его глаза бегали. Посттравматический синдром. Доктор Ли остановилась, положила руку ему на лоб. Холодную, сухую руку. — Ты в безопасности. Задание выполнено. Теперь твоё задание — отдых и восстановление, — сказала она на ломанном, но понятном корейском, которому научилась за последнюю неделю. Солдат замер, его взгляд сфокусировался на ней. В её глазах он не видел утешения. Видел приказ. И этот приказ успокоил его больше, чем любые слова. Он был солдатом. Он понимал приказы.

Она вышла на холод, сделала глубокий вдох. Её война не была войной стратегов или учёных. Это была война против энтропии. Против распада плоти и духа под давлением насилия. Каждый спасённый, даже враг, был маленькой победой над хаосом. А в грядущей буре, о которой все теперь шептались, такие победы могли оказаться важнее любых технологий. Потому что даже идеальную броню должен носить человек. И этого человека нужно было сохранить — физически и ментально.

На её планшет пришло сообщение от Чжана Вэя: «Доктор Ли. Подготовьте отчёт о психологической устойчивости личного состава после применения новых видов оружия. Требуется прогноз на предмет массовых неврозов в условиях длительной тотальной мобилизации. Срок — 24 часа.»

Она прочла и кивнула. Новый фронт. Фронт сознания. Она вернулась в палатку, где уже ждал новый поток «симптомов». Глубокая ночь в Сибири, полдень в Пекине, вечная тьма на дне океана — всё это было теперь единым полем сражения. И Китай вёл свою войну на всех трёх уровнях: тихой блокадой, титаническим знанием и безмолвным милосердием расчёта.

ГЛАВА18. Протокол 889

ДЕНЬ 12. «Академград-7», Главный ситуационный зал.

Глубинный холод «Обсерватории» просачивался сквозь стены, через вентиляцию, въедался в кости. Это был не сибирский мороз, с которым можно бороться чаем и обогревателем. Это был технологический холод — стерильный, безжизненный, густой, как жидкость. Он глушил звуки, заставляя голоса звучать приглушённо, будто из-под воды.

Алина Космодемьянская стояла в центре зала, спиной к экрану. — Я вижу много новых лиц, допущенных к информации. Тогда я повторю все данные, которые нам известны. Чтобы избежать путаницы и недосказанности. Тем более большинство из уже ранее опубликованных отчетов получили корректировку.

На гигантской голограмме перед ней пульсировал чёрный тетраэдр «Ковчега-2». Не корабль. Не артефакт. Саркофаг с данными. Её собственные руки, замотанные в грязные бинты (она не помнила, когда и как порезалась), перебирали данные ленты данных на информационной панели, вытягивая из недр объекта последние, самые важные слои информации. От стимуляторов сердце колотилось, как бешенная птица в клетке рёбер, а в висках стучал молот. Но её разум был ясен до болезненности. Она была на краю. На краю понимания. За здоровье Алины волновались другие лучшие специалисты которые имелись в России и Китае круглосуточно присматривали за ее состоянием.

— Вскрыла ядро, — её голос прозвучал непривычно тихо, хрипло. Он резал густую тишину, как стекло. — Это не библиотека. Это предсмертная записка с наследством.

То, что объект попытался передать в мой интерфейс было примерно 0.001% его содержимого. То, что я ранее интерпретировала сейчас можно уже разобрать и подтвердить более точными данными.

Она коснулась экрана. Голограмма тетраэдра схлопнулась, взорвалась роем светящихся точек и развернулась в карту чуждого сектора галактики. Звёзды, туманности, спиральные рукава — всё не так, всё не на своих местах. Глазам больно было смотреть. В центре — одинокая жёлтая точка.

— Они называли себя э-э-э, нет, у них не было самоназвания. Условно — «Создатели» по крайней мере так их называет артефакт. — Алина говорила быстро, сбивчиво, слова вылетали, как осколки. — Не завоеватели. Не исследователи. Садовники. Пед педантичные, скучные садовники Вселенной. Довели гравитационную инженерию до уровня искусства. Не строили империй. Они облагораживали миры. Делали их гармоничными. Идиоты. Прекрасные идиоты.

На краю карты, далеко-далеко, зажглась алая капля. Не точка — язва. И от неё пополз к жёлтой звезде жирный, расплзающийся клин, похожий на щупальце или корень паразита. Как неизлечимая метастаза.

— А потом пришли они. «Пожиратели». — Голос Алины стал совсем плоским, лишённым эмоций. Просто констатация факта, как чтение протокола вскрытия. — Не раса. Не цивилизация. Биологический механизм. Цель — ассимиляция биосферы. Полная. Они не воюют. Не ведут переговоры. Они переваривают. Планета за планетой. Вид за видом. Всё, что можно переработать — идёт в рост. Всё остальное — шлак.

Она провела рукой по воздуху, и карта ожила — жёлтая точка вспыхивала, вокруг неё зажигались и гасли крошечные огоньки — символы битв. Длилось это если перевести на наше время исчисление три сотни лет. Нет, чуть больше. Молчаливая хроника обречённого сопротивления.

— «Создатели» сражались. Со всей своей гравитационной изошрённостью. Они выигрывали сражения. Проиграли войну. Потому что «Пожиратели» — не армия. Они — болезнь.

Они учатся. Адаптируются. Поглощают твои же технологии и плюют ими тебе в лицо. Последняя запись в ядре

Алина сглотнула ком в горле. Её пальцы дрогнули, но нажали клавишу.

Зал наполнил Голос.

Это был не голос. Это был звук, похожий на скрежет камней под прессом, пропущенный через синтезатор. Бесстрастный, лишённый интонаций, но в его монотонности сквозила такая бездна усталости, что по спине у Михалыча пробежал холодок.

«Протокол 889. Финал. Все периметры пали. Коллективное сознание фрагментировано. Активация протокола Последний курьер. Цель — передача архива видам с признаками сингулярного мышления. Вероятность получения: ноль целых ноль ноль ноль семь процентов. Вероятность адекватной интерпретации: на три порядка ниже. Вероятность успешного сопротивления: исчезающе мала. Расчёты завершены. Мы сожалеем. Мы»

Запись оборвалась. Не со щелчком. С обрывком, будто ножницами перерезали провод.

— «Мы» что? — прошептал кто-то. Возможно, это был Михалыч. Алина не оборачивалась.

— Не успели, — выдавила она. — Их стёрли. До последнего бита.

Она выдохнула и сменила карту. Теперь в центре — родная Солнечная система. Маленькая, хрупкая, такая знакомая. И к ней, из чёрной пустоты за границами карты, ползла та самая алая линия. Под ней горели цифры:

47 ЛЕТ 2 МЕСЯЦА 14 ДНЕЙ

Цифры были зелёными. — Алина намеренно выбрала такой цвет. Без эмоциональный. Просто факт.

— Они уже в пути, и это уже не мой приблизительный прогноз — это счетчик курьера. — Голос Алины наконец дал трещину. В нём послышалась та самая, детская, беспомощная дрожь. — Они не охотятся за нами. Они не знают о нас. Они просто идут. По своему маршруту. Как тайфун. А мы — домик на берегу. Который ещё даже не достроили.

В зале воцарилась тишина, которую не мог заглушить даже гул систем. Тишина после приговора.

Первым нарушил её Чжан Вэй. Его голос с экрана прозвучал так же ровно, как всегда, но теперь эта ровность казалась кощунственной. — Подтвердите данные о скорости и предполагаемом составе авангарда. Нужны параметры для моделирования.

— Всё у вас уже на экране, — беззвучно шевеля губами, сказала Алина. Она уставилась на зелёные цифры. — Их сила — в массе и адаптивности. Их слабость — алгоритмическая тупость. Они следуют шаблону. Нарушь шаблон — они «зависают». «Создатели» использовали это, создавая локальные гравитационные аномалии. Но им не хватило ресурсов. Чтобы вывести из строя один корабль-матку, нужна энергия, сопоставимая с с термоядерным зарядом мегатонного класса, детонированным в строгой последовательности в их гравитационном следе.

— Сорок семь лет, — проговорил Михалыч. Он не спрашивал. Он констатировал. В его голосе не было ни паники. Была страшная, усталая тяжесть. — Что мы можем успеть?

Алина обернулась. Впервые за весь вечер она посмотрела на него прямо. В её глазах, красных от недосыпа, горел не безумный огонь, а холодное, отчаянное пламя. — Всё, Сергей Михайлович. Абсолютно всё. Если начать сию секунду. Если сжечь все флаги, все договоры, все банковские счета. Если превратить каждый город в цех, каждый университет — в КБ, каждого человека — в винтик одной машины. У нас есть не оружие. У нас есть инструкция по созданию ключа. Ключа к одной, единственной, хлипкой двери, за которой может быть спасение. По моим расчётам — она замолчала, словно боялась произнести это вслух, — шанс поднимается с текущих 0,03% до целых 1,2.

— Одна целая и две десятых, — повторил Михалыч. И закрыл глаза.

— Это в сорок раз больше! — крикнула Алина, и её голос сорвался. — Это не победа! Это шанс не исчезнуть бесследно! Это это математическое чудо!

Из динамиков раздался ровный, чёткий голос Пака, лишённый каких-либо колебаний: — Задача принята. Корейская Народная Армия готова стать ресурсом. Любым. Укажите объём и сроки.

На экране Чжан Вэй склонился. Он уже изучал содержимое отчета скользя взглядом по интерфейсу. Через несколько секунд он поднял голову. — Стратегический план «Жатва времени» в черновом варианте готов. Основа — пятилетние этапы. Приоритеты: гравитационный ускоритель («Небесный Мост»), промышленная база на Луне, орбитальные верфи, флот кинетических перехватчиков («Копьё»), планетарный щит. Требуемый уровень мобилизации экономики ВОП: 94%. Это означает конец существующей экономической модели. Тотальное планирование. Трудовые мобилизации. Социальная структура не выдержит.

— Она и не должна выдержать, — тихо, но чётко сказал Михалыч. Он поднялся, его тень, огромная и сгорбленная, упала на карту с ползущей красной линией. — Она должна трансформироваться. Или сломаться. Другого выбора нет.

Он обошёл консоль, встал рядом с Алиной, лицом к экрану с Чжаном Вэем и к мигающему индикатору Пака. — Значит, решение такое. Война с КСН окончена. Она была глупой, ненужной игрушкой. Новая задача — спасение вида. И для этого — он сделал паузу, впитывая тяжесть своих слов, — нужна вся планета. Весь её металл. Весь её интеллект. Вся её воля. Даже та, что сегодня была направлена против нас.

— Интеграция КСН в проект? — уточнил Чжан Вэй. Вопрос, а не возражение.

— Ультиматум, — поправил Михалыч. — Они садятся за наш стол. Принимают наши правила. Или мы строим «Мост» и «Щит» без них, а их кризис становится их личной проблемой, которую решат «Пожиратели», когда доберутся сюда. Без злорадства. Без мести. Чистая арифметика выживания.

Он повернулся к Алине. — Вы — главный инженер апокалипсиса. Все ресурсы — ваши. Все учёные — под вашим началом. Сделайте этот процент хоть 1,3.

Алина кивнула. Усталость, страх, опустошение — всё сменилось одним: невыносимой ответственностью и адским азартом. Перед ней был величайший пазл в истории.

— Полковник Пак, начинайте отбор. — продолжал Михалыч. — Ищите не только солдат. Ищите рабочих, инженеров, ученых.

Он вышел из зала, не оглядываясь. Его шаги глухо отдавались в бетонном коридоре.

Алина осталась одна перед голограммой. Перед зелёным обратным отсчётом. Сорок семь лет. Она положила дрожащую ладонь на холодный интерфейс. — Ладно, — прошептала она вселенной, мёртвым «Создателям», ползущей красной чуме. — Погнали. Посмотрим, чья математика круче.

Глава 19. Совет безмолвия

Зал Совета Безопасности ООН напоминал гигантскую, дорогую гробницу. Полированный деревянный полукруг стола, зелёный мрамор, безмолвные переводчики за стеклянными кабинками и тяжёлый, затхлый воздух, пахнувший старыми договорами и паникой. Василий Гордеев, постоянный представитель России, поправлял галстук, чувствуя, как под манжетой рубашки набухает холодная испарина. Он провёл в этих стенах двадцать лет, оттачивая каждое слово, как клинок, находя слабые места в аргументах оппонентов, строя хитроумные коалиции. Сегодня все эти навыки были бесполезны. Сегодня он был не дипломатом. Он был хирургом, пришедшим ампутировать иллюзии.

Заседание было экстренным, созванным по требованию Франции и США. Повод — «угроза международной стабильности и обвинения в незаконном удержании внеземного объекта». Старая, знакомая пластинка. Но Гордеев держал в портфеле не ответную речь, а папку с грифом «Омега». В ней лежали не дипломатические ноты, а распечатанные слайды из презентации Алины. Звёздные карты. Красная линия. Зелёный обратный отсчёт.

Председатель, представитель Ганы, объявил начало. Первой получила слово американский посол, Аманда Кристенсен. Её речь была отточенной, полной праведного гнева: «недопустимая агрессия, нарушение суверенитета использование неизвестных технологий для подавления гуманитарной миссии Россия и её союзники ставят под угрозу всю систему международной безопасности»

Гордеев слушал, глядя в свои бумаги. Её слова казались теперь невероятно далёкими, как щебет птиц за толстым стеклом. Он ловил взгляды других: китайский представитель сидел неподвижно, уставившись в пространство перед собой — явный сигнал невмешательства. Представитель Великобритании что-то нервно чертил в своем блокноте. Француз выглядел утомлённым и раздражённым.

Когда очередь дошла до него, в зале повисла напряжённая тишина. Все ждали оправданий, контробвинений, очередного витка словесной войны.

Гордеев медленно поднялся. Не включил микрофон сразу. Сделал паузу, окинув взглядом полукруг встревоженных, негодующих или просто любопытных лиц.

— Уважаемые коллеги, — начал он, и его голос, обычно мягкий и убедительный, звучал непривычно плоско, без эмоций. — Вы собрались здесь, чтобы обсудить инцидент в Сибири. Политическую провокацию. Нарушение протокола. Я понимаю. Это язык, на котором мы говорили десятилетиями. Язык, на котором удобно делить мир, наказывать, торговаться, сохранять лицо.

Он взял папку, но не открыл её. — Сегодня я должен заговорить на другом языке. На языке диагноза. И прошу прощения за то, что этот язык будет лишён дипломатической любезности. В нём нет места «глубокой озабоченности» или «сбалансированному подходу».

Он нажал кнопку на пульте. На огромном экране за его спиной, обычно демонстрировавшем логотип ООН, всплыла та самая звёздная карта с алой линией. В зале пронёсся шёпот.

— Это не наша карта, — сказал Гордеев. — Это данные, полученные нами из объекта, который вы называете «внеземным артефактом». Цивилизация, создавшая его, условно «Создатели», была стёрта с лица галактики другой цивилизацией. Мы присвоили ей название «Пожиратели». Их цель — не завоевание. Полная ассимиляция биосферы. Они не ведут переговоров.

Шёпот превратился в гул. Кто-то из делегатов нервно засмеялся.

— Это абсурд! — крикнул британский представитель, нарушая процедуру. — Фантастика! Пропаганда нового уровня!

Гордеев не обратил внимания. Он щёлкнул пультом. На экране сменилась картинка — Солнечная система и ползущая к ней линия. И цифры:

47 ЛЕТ 2 МЕСЯЦА 14 ДНЕЙ

— Это не пропаганда, — его голос перекрыл гул. — Это расчётное время до контакта с передовыми силами «Пожирателей». Сорок семь лет. С момента падения объекта прошло десять дней. За это время Коалиция Свободных Наций предприняла военную авантюру, которая провалилась. Мы отразили агрессию. И мы же первыми получили доступ к этим данным. Данным, которые являются предсмертным выдохом иной цивилизации.

Теперь уже не было смеха. Было молчание, тяжёлое, как свинец.

— В чём суть вашего заявления, господин посол? — ледяным тоном спросила Аманда Кристенсен. — Вы пытаетесь оправдать свои действия вымышленной внешней угрозой?

Гордеев посмотрел прямо на неё. — Суть, госпожа посол, в том, что с сегодняшнего дня все наши споры — о санкциях, о границах, о влиянии — являются преступной тратой времени. Того самого времени, которого у нас катастрофически мало. Российская Федерация, Китайская Народная Республика и Корейская Народно-Демократическая Республика, в рамках Восточного Оборонительного Пакта, приступили к реализации плана «Жатва времени». Его цель — тотальная мобилизация ресурсов для создания системы планетарной обороны. Шансы на успех, по предварительным оценкам, составляют 1,2 процента.

В зале взорвалось.

— Вы с ума сошли! — кричал француз. — Это узурпация! — вторил ему британец. — Кто дал вам право?! — вопил представитель одной из стран-сателлитов.

Гордеев ждал, пока первая волна схлынет. Потом снова заговорил, перекрикивая хаос: — Право дала реальность! — его голос впервые зазвенел сталью. — Право дал диагноз, который не спрашивает нашего мнения! Мы не просим у этого Совета разрешения. Мы ставим вас перед фактом. И предлагаем выбор.

Он открыл, наконец, папку. — Первый вариант. Вы продолжаете. Созываете экстренные саммиты, принимаете резолюции, вводите санкции, строите новые альянсы против нас. Тратите остаток своего политического капитала и времени на борьбу с теми, кто пытается спасти если не вас, то хотя бы ваших детей. В этом случае мы будем строить оборону без вас. А когда прилетят «Пожиратели», вы будете иметь моральное удовлетворение от того, что до последнего отстаивали свои принципы. На фоне тотального исчезновения.

— Это шантаж! — прошипела Кристенсен.

— Это прогноз, — парировал Гордеев. — Второй вариант. Вы признаёте, что старый мир, со всеми его правилами и институтами, не способен ответить на этот вызов. Вы распускаете военные блоки, направленные против ВОП. Передаёте под международный контроль ключевые отрасли промышленности, науки и логистики. Интегрируетесь в структуры «Совета Земли» на условиях жёсткой дисциплины и подчинения общему плану. Ваши учёные получают доступ к технологиям «Ковчега». Ваши люди — шанс попасть под защиту будущего «Щита». Но власть, реальная власть над процессом, будет принадлежать не правительствам, а инженерам, стратегам и плану выживания.

Он отложил папку. — У вас нет третьего варианта. Нет возможности «остановиться и подумать». Мы уже думаем. Мы уже действуем. У вас есть семьдесят два часа, чтобы дать предварительный ответ через закрытые каналы. После этого окно возможностей для организованной интеграции начнёт закрываться.

Председатель, представитель Ганы, был бледен. — Господин посол, вы понимаете, что ваше заявление это крах всей системы

— Система, — мягко перебил его Гордеев, — уже рухнула. Десять дней назад. Просто звук обрушения дошёл до этого зала только сегодня. Я закончил.

Он собрал бумаги, кивнул председателю и, не глядя на остолбеневших коллег, вышел из-за стола. Его шаги гулко отдавались в внезапно наступившей тишине. За спиной у него взорвался хаос — крики, требования слова, стук кулаком по столу. Но это был уже шум на тонущем корабле. Он сделал то, зачем его сюда прислали: не вёл переговоры. Объявил приговор. Старой дипломатии. Старой системе. Старому миру.

Выходя в коридор, он услышал, как кто-то из младших дипломатов шепчет ему вслед: — Василий Игнатьевич Господи, что же вы наделали

Гордеев не обернулся. Он смотрел в длинный, пустой коридор, ведущий к выходу. Туда, где его ждал автомобиль, чтобы отвезти не в посольство, а на закрытый аэродром. Обратю в Россию. Обратю в реальность, где считали не голоса в Совбезе, а тонны титана для «Моста» и проценты вероятности.

«Что я наделал? — мысленно повторил он. — Похоронил свою жизнь. Работу. Мир, в котором был мастером». И почувствовал не горечь, а странное, пустое облегчение. Притворство кончилось. Началась правда. Страшная, голая, не оставляющая места для красивых слов. Но хоть какая-то правда.

А за дверью зала Совета Безопасности ООН продолжался гвалт. Последние споры о том, как правильно устроить палубы на «Титанике», пока вода уже хлещет через иллюминаторы.

Глава 20. Предложение

Свет в камере был тусклым, вечным и противно мерцающим. Он не менялся ни днём, ни ночью. Тень от решётки, немного дрожала на стене от проклятого света люминесцентной лампы под потолком, а серые бетонные плиты, казались еще более серыми. Майя Рендольф, журналистка, известная своими расследованиями о военных преступлениях и утечках данных, сидела на краю койки, спиной к стене, и смотрела на трещины в бетонном полу, будто хотела прочесть судьбу как по узорам ладони своей руки.

Она уже сбилась со счёта. Несколько недель. Или месяцев? Время здесь текло иначе — вязко, тягуче, как старая патока. Без окон, без часов, без смены дня и ночи. Только этот вечный, жужжащий свет, от которого болели глаза и начинала раскалываться голова, если смотреть слишком долго. Без адвоката, без конкретных обвинений, по статье о государственной измене и шпионаже в военное время. Прессу не оповестили. Она исчезла. Просто взяла и исчезла из информационного поля, как будто её никогда и не существовало.

Майя перевела взгляд на свои руки. Грязные ногти, въевшаяся под кожу грязь, которую не смыть ледяной водой из ржавого крана. Она не была слабой — она выживала. Считала трещины в полу, рисовала в уме статьи, которые никогда не напишет, прокручивала в голове лица тех, кто её сюда привёл. Их было много, но главное — она знала *почему*. Знала с самого начала. Когда публикуешь правду о том, как корпорации и правительства торгуют жизнями солдат, рано или поздно за тобой приходят. Она просто надеялась, что это случится позже. Немного позже.

Дверь открылась без стука — даже не скрипнула, будто её смазывали каждый день специально для этого момента. Майя не вздрогнула. Она уже научилась не вздрагивать. Вошёл не охранник — она бы узнала тяжёлую поступь дежурного. Нет, это был кто-то другой. Человек в дорогом, но неброском костюме, с идеально выбритым подбородком и лицом, которое было одновременно вежливым и абсолютно пустым. Как у хорошо обученного официанта в ресторане.

Он вошёл, остановился на пороге, оглядел камеру. Потом его взгляд остановился на ней. — Мисс Рендольф. Встаньте, пожалуйста, и повернитесь.

Голос был ровным, лишённым интонаций. Не приказ — инструкция. Как у стюардессы перед взлётом: *пристегните ремни, затяните потуже*.

Майя медленно поднялась. Ноги затекли — она не вставала уже несколько часов. Спина заныла, в пояснице стрельнуло. Она постаралась скрыть искажившееся лицо. Не показывать слабость. Механически, без возражений, повернулась спиной. Она уже прошла через это — обыски, унижения, проверки. Ещё один раз ничего не изменит.

Холодный металл наручников щёлкнул вокруг её запястий. Он не был груб — его движения были отточены до автоматизма, как у хирурга, накладывающего швы. Щелчок — и готово. Ни слишком туго, ни слишком свободно. Профессионально.

— Пройдёмте.

Он не взял её за локоть, не подтолкнул в спину. Просто пошёл вперёд, ожидая, что она последует за ним. Майя пошла. Что ей оставалось? Она чувствовала себя призраком — бесшумным, полупрозрачным, почти нереальным.

Он провёл её по короткому коридору не в зал суда, не к следователю, а в небольшой, но строгий кабинет.

Стол из красного дерева, полированный до зеркального блеска. Кожаные кресла — мягкие, глубокие, такие, в которых хочется утонуть. На стене — репродукция какой-то классической картины, пейзаж с горами и озером. Швейцария, подумала Майя автоматически. Или Австрия. Место, где деньги пахнут не деньгами, а историей.

Здесь пахло кофе — свежемолотым, дорогим, тем самым, который варят в чашках размером с пиалку и подают с маленьким печеньем. И ещё — лоснящейся кожей кресел, дорогим табаком из забытой в пепельнице сигары.

Он подвёл её к столу, щёлкнул ключом — наручники упали ему в руку с тихим, почти музыкальным звоном. Майя потёрла запястья.

— Присаживайтесь, мисс Рендольф.

Он жестом указал на кресло напротив стола. Майя опустилась в него осторожно, будто боялась, что оно провалится под ней, утащит в какую-нибудь ещё более глубокую тьму. Кожа была прохладной, скользкой. Она не откинулась на спинку — сидела прямо, напряжённо.

Человек в сером сел напротив. Положил руки на стол — чисто выбритый, с дорогими часами на запястье, которые не блестели, а тускло мерцали платиной. Patek Philippe, отметила Майя. Могла бы написать о нём статью.

Он достал из портфеля — изящного, чёрного, без единого логотипа — папку из чёрной кожи. Вынул два листа, плотных, с водяными знаками. Положил перед ней, развернув так, чтобы текст был прямо перед глазами.

— Ознакомьтесь и подпишите, пожалуйста. Здесь и здесь.

Майя бросила взгляд на текст. Юридический язык — сухой, плотный. Узкие колонки, параграфы, ссылки на статьи законов.

— Что это? — спросила она. Голос был хриплым — она почти не разговаривала всё это время, только с собой, шёпотом.

Человек вздохнул — коротко, почти незаметно, и в этом вздохе Майя уловила оттенок чего-то, кроме нейтральности. Усталость? Или просто хорошо отрепетированный жест?

— Это, мисс Рендольф, — сказал он, и его голос вдруг стал чуть мягче, чуть человечнее, — указ президента о помиловании и полном снятии с вас всех выдвинутых и потенциальных обвинений. А также соглашение о неразглашении касательно обстоятельств вашего задержания. Президент подписал его час назад.

Майя подняла на него глаза.

Он, видимо, прочитал сомнение на её лице, потому что продолжил.

— В связи с тем, что за последние сорок восемь часов в открытый доступ и так вывалилось информации на порядок больше, чем вы успели опубликовать за всю карьеру. НЛЮ, номера счетов, какой-то рукав Ориона На фоне начавшихся по всему миру акций протеста, паники и требований правды, делать из вас мученика и борца за справедливость было признано контрпродуктивным. Вы становитесь неудобным символом старого мира, который пытался заткнуть рот. В новом вам лучше быть свободной.

Он протянул ей дорогую, перьевую ручку — с золотым пером и чёрным корпусом из дерева.

— Так что вы свободны, мисс Рендольф. Более того, у вас теперь даже есть шанс получить какую-нибудь премию. У нас любят давать премии тем, кого только что освободился. Это хороший пиар. Ваши вещи, ваше оборудование — оно в соседней комнате. Его много, вы не унесёте. Мы доставим всё в отель, в котором вы остановитесь. Всё в целости. Камеры, ноутбуки, диски.

Майя молча взяла ручку. Её пальцы дрожали, но она это подавила дрожь. Подписала оба листа, не вчитываясь. Что бы там ни было, это лучше камеры.

— Хорошо, — сказала она хрипло. В горле пересохло, слова выходили с трудом, будто их вытаскивали из неё клещами. — Я возьму только свой походный рюкзак и основной ноутбук. Остальное привезите вот по этому адресу.

Она начеркала адрес на бумажке — угловатым, нервным почерком.

— Хорошо, как скажете.

Человек в сером кивнул, взял бумажку, спрятал её во внутренний карман пиджака — туда же, где лежало что-то ещё, что-то тяжёлое, что оттопыривало ткань. Майя не стала гадать, что это было.

Через десять минут она стояла на залитом солнцем тротуаре у неприметного служебного выхода из здания, о котором даже не знали многие завсегда.

В руках — потрёпанный армейский рюкзак, который она носила ещё со студенческих времён, и чехол с ноутбуком. Воздух пах выхлопами, мокрым асфальтом и свободой. Горькой, сомнительной свободой.

Она сделала глубокий вдох. — Лёгкие расширились, впуская городскую вонь, и это было прекрасно. Она была жива. На свободе. И совершенно не представляла, что делать дальше.

Майя достала из мятой пачки самую целую сигарету и закурила, сделав первую затяжку так глубоко, что закружилась голова, а в глазах потемнело. Никотин ударил в кровь, — резко, сладко. Она чуть не закашлялась, но сдержалась.

Потом достала из кармана куртки плоскую серебряную фляжку, отпила большой глоток дешёвого виски — горького, обжигающего. Жидкость жгла и согревала одновременно, растекаясь по пищеводу огненной рекой.

Майя сморщилась, занюхала рукавом — куртка пахла потом и пылью, — убрала фляжку обратно в карман и затянулась снова. Дым смешался с алкоголем, создавая в голове коктейль из лёгкого головокружения и пугающей ясности.

Она как раз докуривала, когда к тротуару, бесшумно, как тень, подкатил большой чёрный внедорожник Chevrolet Suburban с затемнёнными стёклами. Никаких опознавательных знаков, никаких номеров — только чёрный блеск лакированной стали и приглушённый рокот мощного двигателя.

Задняя дверь открылась плавно, без усилий. Из неё вышел мужчина. Он был одет в тёмный костюм, без галстука, верхние пуговицы рубашки были расстегнуты. Лицо — знакомое каждому по новостям и соцсетям.

Он улыбался.

— Здравствуйте, мисс Рендольф. Меня зовут Майкл. У меня к вам важный разговор. Не хотите кофе?

Майя выдохнула дым — медленно, демонстративно, изучая его.

Она не спешила отвечать. Дав ему возможность почувствовать себя не в своей тарелке. Это была маленькая игра — танец двух хищников, которые ещё не решили, будут ли они драться или сотрудничать.

— Хочу, — наконец сказала она. — Только не то дерьмо, что варят в придорожных забегах. Хочу хороший, крепкий, настоящий кофе.

Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки — короткой, почти неуловимой, но Майя заметила.

— Считайте, что уже заказан. Прошу.

Он открыл дверь шире, жестом приглашая внутрь. Майя посмотрела на внедорожник, потом на него, потом снова на внедорожник. Чёрные стёкла, мощный двигатель, неизвестный пункт назначения. В любой другой день она бы послала его подальше. Но сегодня... Что ей терять?

Она швырнула окурок в сточную канаву — тот зашипел, коснувшись воды, — и, не колеблясь, забралась внутрь.

В салоне пахло кожей — настоящей, дорогой. И ещё чем-то едва уловимым, цветочным, что, наверное, было дорогим одеколоном. Майя устроилась на заднем сиденье — мягком, как облако, — и почувствовала, как напряжение последних недель начинает потихоньку отпускать. Не полностью, нет. Но достаточно, чтобы мышцы перестали сводить судорогой.

Майкл сел напротив — между ними был откидной столик из чёрного дерева. Он сделал знак водителю, и машина тронулась — плавно, почти незаметно. Никакой тряски, никакого шума. Только тихое, убаюкивающее гудение двигателя.

Они приехали не в сетевую кофейню, а в клуб, который располагался на верхнем этаже небоскрёба с панорамным видом на суеющийся город. Это был частный клуб — или что-то вроде того. Несколько столиков, мягкий свет, приглушённая музыка. Бармен в безупречном белом пиджаке, который молча кивнул Майклу, когда они вошли.

Они сели у окна — за столик, с которого открывался лучший вид. Майкл что-то сказал бармену жестом, и через минуту перед ними появились две большие, фарфоровые чашки.

Кофе, действительно, оказался превосходным. Густой, ароматный, с лёгкой горчинкой и долгим послевкусием. Такой, после которого не хочется пить ничего другого. Майя сделала глоток, закрыла глаза на секунду, позволяя вкусу растечься по языку.

— Как кофе? — спросил Майкл, хотя по его лицу было видно, что он уже знает ответ.

— Именно то, что я хотела, — ответила Мфйя, ставя чашку на блюдце. — Спасибо. А теперь — к делу. Вы не из тех людей, которые тратят час на разговоры о погоде.

Майкл кивнул, откидываясь на спинку стула. Его лицо стало серьёзным — не суровым, но сосредоточенным, как у человека, который готовится сказать то, что изменит всё.

— Вы знаете, кто я, — начал он. Это не было вопросом.

Майя хмыкнула, отхлёбывая кофе.

— Конечно. Вы — тот парень, который продаёт электромобили, запускает ракеты к Марсу и твитует мемы. Миллиардер-визионер. Основатель частной космической программы. Или как там ваш частный проект по расшифровке называют? — Она начала ковыряться в пачке, ища целую сигарету. Она смяла её и отбросила в сторону.

Майкл указал пальцем на пачку официанту — короткий, почти незаметный жест. Тот кивнул и через минуту принёс на подносе пачку дорогих сигарет, о существовании которых Майя даже не подозревала. Рядом лежала фирменная зажигалка — серебряная, с гравировкой.

— Можно и так сказать, — кивнул Майкл. — Но сейчас речь не о космосе в прямом смысле.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и Майя дала ему эту паузу. Она уже поняла, что он не из тех, кто говорит просто так. Каждое его слово было взвешено, проверено, откалибровано.

— Речь о политике, — наконец сказал он. — Я хочу создать третью значимую политическую силу в Соединённых Штатах. Новую партию. Или движение. Не важно. И мне нужны вы.

Майя поставила чашку — слишком резко, кофе плеснулся на блюдце, оставляя тёмное пятно. Она не обратила на это внимания. Достала из пачки сигарету — от которой распространился запах роскоши, табака и чего-то ещё, неуловимого, что говорило о деньгах. Чиркнула зажигалкой — серебро приятно холодило пальцы — и прикурила.

— Я — журналист, — сказала она, выдыхая дым в потолок. — Разгребатель грязи. Не политик.

Майкл качнул головой, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на нетерпение.

— Именно поэтому вы и нужны. Вы — локомотив. Символ того, против чего боролась старая система и что она затоптала. Люди вам поверят быстрее, чем любому отполированному карьеристу из Капитолия. У вас есть репутация, известность и, простите за цинизм, образ пострадавшей за правду. Это бесценно.

Майя молчала, переваривая услышанное. Она смотрела на него сквозь дым, пытаясь понять, где правда, а где — очередной виток большой игры.

— Зачем вам это? — спросила она наконец. — У вас свои компании, своя космическая программа. Зачем лезть в это болото?

Майкл отодвинул свою чашку.

— Потому что одна из двух нынешних партий никогда не пойдёт на это,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.